

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**СПЕЦИФИКА ЧЕРНОГО ЮМОРА
В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
И НЕМЕЦКОГО СТЕНДАПА)**

Выпускник

Н.А. Кирпичникова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК
Я.В. Попова

Нормоконтролер

Э.А. Тарасенко

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЧЕРНЫЙ ЮМОР В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ.....	6
1.1. Черный юмор как особый вид комического.....	6
1.1.1. Функции черного юмора	10
1.1.2. Тематическое наполнение черного юмора	13
1.2. Табу как социокультурный и лингвистический феномен.....	16
1.2.1. Классификации табу	21
1.2.2. Феномен детабуирования	24
1.3. Табу в американской и немецкой лингвокультурах.....	26
1.3.1. Табуированная сфера интимных отношений	28
1.3.2. Табуированная сфера телесного	31
1.3.3. Табу дискриминации и стереотипизации	36
1.3.4. Исторические и политические табу	39
1.4. Специфика юмористического жанра «стендап».....	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	47
ГЛАВА 2. ЧЕРНЫЙ ЮМОР В РАКУРСЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ.....	49
2.1. Detaбуирование в Американском стендапе	49
2.2. Detaбуирование в Немецком стендапе	67
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	90
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Юмор и комическое являются неотъемлемой частью культуры и языка в любом обществе. Особый интерес для научного исследования представляет такое противоречивое явление как черный юмор, в рамках которого зачастую происходит нарушение сложившихся правил и норм этикета, моральных устоев и традиций, табуированных понятий. Смысловое содержание феномена табу, чье возникновение обусловлено различными культурно-историческими предпосылками, реализуется в коммуникации в рамках разных дискурсивных практик. Процесс детабуирования, нарушения табу, является одним из наиболее актуальных способов репрезентации табу в современных комедийных выступлениях жанра стендап, что обуславливает **актуальность** настоящего исследования.

Целью работы является выявление специфики черного юмора в рамках процесса детабуирования, что требует решения следующих **задач**:

- 1) описать феномен черного юмора и его специфику;
- 2) рассмотреть имеющиеся подходы к определению понятия «табу»;
- 3) охарактеризовать табу как социокультурное и языковое явление;
- 4) дать определение понятию детабуирования;
- 5) обозначить табу, актуальные для немецкой и американской лингвокультуры;
- 6) выявить языковые особенности детабуирования в жанре стендап.

Объектом исследования выступает феномен черного юмора в американской и немецкой лингвокультурах в рамках юмористического жанра "стендап"; **предметом** – специфика черного юмора в аспекте детабуирования.

Теоретической базой работы выступили труды отечественных исследователей В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, Н.А. Масленковой, Л.П. Крысина, А.И. Лаврентьева, Е.Ф. Перфильевой, Т.В. Жеребило, О.А. Руттер, М.А. Кулинич, В.И. Жельвиса, О.Л. Флеоновой, Я.В. Поповой,

О.М. Куницыной, Н.А. Замерченко, Р.А. Газизова, Г.Н. Салимовой, а также иностранных ученых: С. Bucaria, M.L. Apte, J. Schwarz, K. Burr ridge, K. Durkin, K. Chilcott, H. Schröder, S. Freud, J. Lee, D. Leeming, B. Manner, H. Wagner, N. Wilson.

Материалом исследования послужили видеофрагменты выступлений американских (Sarah Silverman, Andrew Jeselnik, Aries Spears, Carlos Mencia, David Cross) и немецких комиков (Maxi Gstettenbauer, Nico Semsrott, Oliver Polak) в период в 2005 по 2017гг. в жанре стендап. Основными **методами** исследования являются: метод сплошной выборки, контент-анализ, тематический и прагмалингвистический анализ, сопоставительный анализ.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в рамках занятий по межкультурной коммуникации, дискурсивному анализу, практическому курсу перевода. Изучение феноменов черного юмора и табу способно расширить понимание различных социокультурных процессов в современном обществе и повысить компетентность в сфере межкультурного взаимодействия.

Содержание работы включает в себя введение, две главы, выводы по главам, заключение, список использованной литературы и практических материалов.

Во введении описаны цель, основные задачи, предмет и объект исследования, а также теоретическая база и материал исследования. В первой главе рассматриваются такие ключевые понятия как черный юмор, табу, детабуирование; классифицируются виды и темы-табу в американской и немецкой лингвокультурах; описывается специфика жанра стендап. Во второй главе проводится анализ собранного эмпирического материала, представленного в виде видеозаписей выступлений американских и немецких комиков. В заключении подводятся основные выводы, полученные в результате исследования.

Апробация работы: работа обсуждалась в рамках международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс,

(интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в 2017 и 2018 г. По теме исследования опубликована статья «Специфика черного юмора в аспекте дестабуирования (на материале американского и немецкого стендапа)» в сборнике ВАК «Казанская наука», серия «Языкознание».

ГЛАВА 1. ЧЕРНЫЙ ЮМОР В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ

1.1. Черный юмор как особый вид комического

Юмор – явление многогранное, общечеловеческое, и одновременно глубоко национальное [Кулинич, 2000: 6]. Смех и комическое являются неотъемлемой частью жизни человека и общества, а способность смеяться зачастую отождествляется со способностью жить и мыслить. «Юмор – интеллектуальное чувство, опосредованное взаимопроникновением когнитивных и аффективных компонентов» [Мусийчук, 2016: 58]. Юмор важен не только с физиологической и психологической точки зрения, но и с социальной. Являясь одновременно общечеловеческим и культурно-специфичным феноменом и выполняя различные функции, он в разнообразных формах присутствует в каждой культуре.

Юмор и различные его проявления рассматривались специалистами разных направлений, включая лингвистов, психологов и культурологов. В фокусе исследований находились вопросы о природе юмора, его функциях и видах (Л.В. Карасев, А.В. Дмитриев, Л. Н. Столович, А. А. Зализняк, Attardo), роли в культурно-историческом аспекте (В.И. Карасик, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.С. Аверинцев, А.М. Панченко, А.Г. Козинцев), а также о его национальных особенностях (Д.С. Лихачев, О.Б. Леонтович, В.З. Санников, В.Я. Пропп). Тема отражения национальной картины мира особенно важна в понимании вопроса юмора, поскольку специфика юмора зачастую отражает специфику определенной культуры. Это выражается в наиболее типичных жанрах и тематиках, в выборе определенных средств создания комического эффекта, а также коммуникативных ситуациях, в которых смех является допустимым.

Неотделимой частью смеховой культуры любой лингвокультурной общности является такое явление как черный юмор. Появление данного вида юмора зачастую небезосновательно связывают с так называемой агрессивной природой юмора. З. Фрейд полагал, что агрессия является важным аспектом

шуток, и его точка зрения, которую позже переняли многие исследователи [McCauley, 1983; Raskin, 1985; Alexander, 1986; Gruner, 1997], была основана на старейшем подходе к теории юмора [Мартин, 2009: 51]. Зачастую объектом агрессии становятся отклонения от общественной нормы, это объясняет факт того, что большая часть агрессивного юмора связана тематикой сексуальных отношений и девиаций [Кулинич, 1999: 13].

Существует еще множество теорий юмора, как, например, теории превосходства, утешения, отклонения от нормы, противоречий, но ни одна из них на сегодняшний день не признана как главенствующая, наиболее полная и обоснованная. В связи с этим можно утверждать, что теоретического обоснования возникновению феномена черного юмора, как и юмора в целом, пока что не дано.

Многоаспектность такого явления как черный юмор отразилась и в том, что на сегодня полного культурно-исторического анализа не представлено, также как и общепринятой дефиниции. Непосредственно словосочетание «черный юмор» появилось во Франции в 30-е годы XX века в качестве термина с глубоким философским смыслом. Причиной его появления стал социокультурный кризис общества, вставшего на путь экономики потребления. Из Франции данный феномен дошел до Америки, где он уже был воспринят как «спасительная терапия» в обществе, охваченном страхом атомной войны [Лаврентьев, 2009: 7]. В целом, можно сказать, что черный юмор существует и в искусстве, и в реальности как критическое явление смеховой культуры эпохи социокультурного кризиса [Перфильева, 2006: 43].

Первая монография, где было дано определение черному юмору, появилась только в 1973 году. В работе Макса Шульца были проанализированы литературные произведения американских авторов в жанре черный юмор и выдвинут ряд положений о сущности данного феномена. Так, исследователь полагал, что «идейно-эстетическими» основами черного юмора являются «плюрализм, конформизм и расшатанная

система ценностей» [Лаврентьев, 2009: 9]. Во многих работах черный юмор также рассматривали как особую систему взглядов и ценностей в творчестве [Dickstein, 1977; Mazur, 2001; Colletta, 2003; Wang, 2006; Gournelos, Greene, 2011; Su, 2014]. Необходимо отметить, что «насмешливо-нигилистические взгляды чёрных юмористов» выражаются с помощью «черной» лексики, а также ряда лингвостилистических приемов [Флеонова, 2003: 4].

Единогласно принятого определения черного юмора на сегодняшний день ни в русскоязычной, ни в англоязычной, ни в немецкоязычной литературе не существует. Это значительно усложняет описание и понимание этого явления и предполагает обращение не только к определениям словарей, но и к определениям разных исследователей. В связи с этим интерес представляют следующие высказывания, касающиеся черного юмора, в работах зарубежных исследователей.

Дороти Бюрги отмечает, что черный юмор нацелен на укоренившиеся в обществе табу («gesellschaftlich verwurzelte Tabus»), в числе которых темы смерти и умирания. Юмор возникает в связи с легким или даже необдуманном обращением к этим темам, в противоположность их трагичному значению. Черный юмор часто находится на грани с безвкусицей, а иногда пересекает эту границу [Bürgi, 2013: 29]. В черном юморе зачастую обсуждается смерть, в то время как гротескный юмор ставит в центр внимания преимущественно тему сексуальности. Оба типа юмора присутствуют уже в средневековых шутках, а также в сказках, где наглядно проявляется баланс между смехом и ужасом. Виды смерти, которые затрагиваются в таком виде юмора, это, например, каннибализм, убийство родственников или супруга, суицид. При этом комический эффект возникает преимущественно из конфликта между жестоким, устрашающим происшествием и несентиментальной интонацией сообщения [Manner, 2015: 30]. Юлиана Майвальд полагает, что определение черного юмора может звучать следующим образом: «die sarkastische Betonung des Absurden, die uns lachen läßt, damit wir nicht weinen müssen» («саркастичное

подчеркивание абсурдного, которое позволяет нам смеяться, вместо того чтобы плакать») [Maiwald, 2013: 15]. По её мнению, формирование данного вида юмора было обусловлено рядом исторических событий, таких как как межрасовая ненависть и перемена сексуальной морали, которые превратили скорее простодушный юмор 50-ых годов США в черный. Так, все, что пробуждало в обществе страх, стало оцениваться в смехотворной манере, с позиций гротеска [Там же, 2013]. В первую очередь черный юмор связан с тем, что обычно оценивается как злое и неприятное или обсуждение чего считается недостойным или дерзким. При этом речь идет о феноменах, которые, как правило, обществом вытесняются, так как они идейно, а также эмоционально неприемлемы и не затрагиваются на основании общественного согласия и предписания [Hellenthal 1989: 32; цит. по Zeilinger, 2015: 40]. Гарольд Блум отмечает, что немецкие определения отличаются отрицанием содержания юмора в самом концепте черного юмора и достаточно строгим подходе [Bloom, 2010: 81].

Согласно Оксфордскому словарю английской литературы, черный юмор «is a kind of humor which flourished from the late 1950s through to the 1970s in America, characterized by morbid or provocative treatment of subjects like death and disease» [The Oxford Companion to English Literature, 2009: 71]. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в США словосочетание «black humor» в большей степени ассоциируется с расовым юмором афроамериканцев, их менталитетом и манерами общения. Концепту «черный юмор» в русскоязычном пространстве больше соответствует выражение «dark humor», которое относится к «...the more or less explicit and sacrilegious representation of humour that has as its aim that of making fun of situations usually regarded as tragic, such as death, sickness, disability, and extreme violence, or of the people involved or subject to them» [Bucaria, 2008: 31].

Необходимо отметить также наличие ряда англоязычных терминов, имеющих близкое родство с понятием «dark humor». Это как «sick humor», «gallows humor», «dirty jokes» и «black comedy». Так, к примеру, «gallows

humor» это юмор, который «makes fun of a life-threatening, disastrous, or terrifying situation», что переводится как «юмор висельника», человека, который зачастую пережил травму или реагирует меткой остротой на безвыходную ситуацию [Merriam-Webster dictionary, 2018]. Термин «black comedy» имеет значение «a comedy dealing with an unpleasant situation in a pessimistic or macabre manner» [Collins dictionary, 2018]. Данные нюансы должны быть учтены при анализе специфики черного юмора, так как они свидетельствуют о том, что это явление достаточно многогранно.

Таким образом, черный юмор как юмористическое явление представляет собой малоизученный феномен смеховой культуры. Несмотря на общие положения в дефинициях разных исследований, общего определения черного юмора нет. Обоснованно можно сказать о связи черного юмора с таким культурно-языковым явлением как табу, а также о важности данного явления для общественной жизни.

1.1.1. Функции черного юмора

Несмотря на достаточно глубокую культурную опосредованность, смех как феномен имеет ряд общих для всех культур функций. Так, большинство исследователей сходятся на том, что защитная функция является одной из первичных [Лук, 1975; Фрейд, 1991; Дедов, 2000; Иванова, Ениколопов, 2006; Мартин, 2009]. Зигмунд Фрейд, будучи одним из первых, кто обратил свое внимание на данную функцию, полагал, что смех дает необходимую разрядку при наличии напряженности, обусловленной социальными нормами [Дмитриев, 1996: 69]. В. И. Карасик отмечает, что юмор это – «органическая защитная характеристика человеческой психики», необходимая человеку в борьбе за выживание [Карасик, 2002: 156]. Например, в статье «Humouring the terrorists or the terrorised?» обсуждается важный для американской культуры вопрос о том, как изменяется образ террориста и почему его склонны гиперболизировать, придавая ему комические черты и тем самым

разрушая постепенно «неприкосновенность» данной темы в глазах общества [Helga Ramsey-Kurz, 2005]. В качестве примера автор использует несколько новелл, и, по её мнению, все три произведения представляют терроризм не как тактику коллективного устрашения, а рассматривают как следствие комичной некомпетентности радикальных исламистов. В определенной степени черный юмор — это иммунитет на социокультурный негатив реальности, а также «эффективное средство поддержания психики в равновесном состоянии» [М.В. Мусийчук, 2014: 101].

Помимо защитной, выделяют еще ряд функций юмора. Так, например, М.А. Кулинич выделяет эстетическую, социализирующую, коммуникативную, творческую катарсическую, саморегуляционную и эвристическую функции. В.З. Санников добавляет также маскировочную, которая проявляется в возможности участников коммуникативной ситуации имплицитно выразить истинное отношение к предмету посредством шутки. В этом случае шутка это способ обхода культурной цензуры [Санников, 2002: 27]. О.С. Редкозубова указывает на тесную связь между социализирующей и игровой функциями, отмечая, что смех помогает консолидации, удовлетворяя различные социальные потребности [Редкозубова, 2008: 286]. Несмотря на то, что исследователи подходят к выделению функций с разных позиций, они сходятся во мнении, что ни одна из них не является обособленной и все они тесно взаимосвязаны.

Функции черного юмора несомненно соотносятся с функциями юмора как такового, но стоит отметить, что защитная функция в данном виде юмора выражена сильнее, чем в юморе классическом, поскольку данный тип юмора изначально рассматривался именно как «специфический защитный механизм личности» [Масленкова, 2011: 146]. Д. Лихачев и А. Панченко отмечали деструктивную и созидательную природу такого юмора [Лихачев, Панченко, 1984: 5; цит. по Перфильева, 2006: 28]. А.И. Лаврентьев говорит также о функциях деэстетизации зла и преодоления информационной избыточности, а также о негативном утверждении ценностей гуманизма. Анализируя

американскую литературу черного юмора 20 века, он приходит к выводу, что в своих работах авторы через отрицание и разрушение возрождают «систему внешних ценностей» человека, а черный юмор также выполняет эвристическую функцию, облегчая восприятие информации и стимулируя интеллектуальную деятельность индивида [Лаврентьев, 2004: 129, 136]. Черный юмор используется как инструмент разрушения устаревших представлений или же изменение только зарождающихся стереотипов [Перфильева, 2006: 13].

Так, например, в статье «Cultural Politics of Humor in (De)Normalizing Islamophobic Stereotypes» автор рассуждает на тему множества стереотипов о людях, исповедующих ислам, одним из которых является ложное представление о том, что мусульмане не имеют смеяться над собой и не принимают юмор как таковой [Zimbardo, 2014]. Одними из комиков, кто пытается разрушить подобный стереотип в американском обществе являются Азар Усман (Azhar Usman) и Мейсун Заид (Maysoon Zayid), затрагивающие в своих выступлениях темы исламофобии, терроризма, религиозной нетерпимости и конфликтов в среде мусульман. Положительный эффект подобного юмора достаточно подробно описан в статье «American Muslims and Contemporary Nahahahalal Comedy» [Thonnart, 2016].

Анализ собственных предубеждений в юмористической форме раскрывает их абсурдность. Укоренившийся в американской лингвокультуре стереотип «сердитая чернокожая женщина» во многом создан для управления массовым сознанием и негативно влияет на культурное восприятие афроамериканских женщин в современном мире. Такой стереотип отвлекает общество от того факта, что гнев женщины может быть вполне оправданным, но все же в данном стереотипе сердитость представлено как нечто, свойственное всем темнокожим в силу их дурного характера [Jones, Norwood, 2017]. Преодолеть этот и подобные стереотипы в социуме помогает черный юмор.

Итак, функции черного юмора во многом совпадают с функциями юмора как такового, однако преобладающей функцией является защитная, так как черный юмор выполняет в некотором роде функцию иммунитета. Также говорят о том, что такой вид юмора является частью негативного утверждения ценностей гуманизма, является способом обхода цензуры и высвобождения эмоций. Выступая в качестве инструмента разрушения стереотипов, черный юмор также выполняет социализирующую функцию и в целом является неотъемлемой частью социума.

1.1.2. Тематическое наполнение черного юмора

Черный юмор одновременно принадлежит как к межнациональным, так и к глубоко этнокультурным феноменам, можно сказать, что есть ряд общих тематик, затрагиваемых в черном юморе, не зависимо от этноса. Это такие темы как смерть, сексуальные отношения, болезни физические и ментальные, они по-разному затрагиваются в юмористических произведениях, но так или иначе являются объектом юмора. Говоря же об этнической сущности, здесь оказывают влияние культура отдельно взятого этноса, со своим менталитетом и мировоззрением, сформированным отношениям к различным табу, концептам жизни и смерти.

Так, в статье «Taboo Comedy on Television: Issues and Themes» [Buccaria, 2016] рассматривается ряд тем, имеющих отношение к так называемому «табуированному юмору». Под термином табуированный юмор подразумевается «весь спектр комедийных тематик, которые могли бы вызвать затруднения у потенциальной аудитории в виду их не традиционного характера и намеренно шокирующей природы». Согласно статье, в табуированный юмор входят:

- черный юмор: о смерти, болезнях и инвалидности;
- юмор на сексуальные темы;

- расовый, этнический, а также юмор, затрагивающий определённые социальные группы (гомофобный, сексистский и т.п.);
- нездоровый юмор: о физиологических выделениях и других табу, традиционных для западного общества (каннибализм, инцест и т.п.);
- богохульный юмор;
- юмор, в котором высмеиваются внешние недостатки (полнота, рост и т.п.).

По отношению к такому виду юмора автором статьи рассмотрены две теории юмора: теория превосходства и теория несовместимости. В первой теории юмор складывается из чувства превосходства над людьми, объектами или ситуациями. Вторая теория применима к феномену табуированного юмора потому, что она направлена на несоответствие между темой (смерть, насилие, религия и т.д.), формой (шутка, фарс и т.п.) и, иногда, обстоятельствами (стрессовая/трагичная ситуация). Основная причина, по которой табуированный юмор существует, это его важная в обществе функция – регулирование уровня стресса и улучшение качества жизни. В статье так же подчеркнута, что ценность табуированного юмора варьируется от культуры к культуре. Данный феномен получил широкое распространение, поскольку он сконцентрирован на скрытых явлениях общества и раскрывает их как с традиционной, так и со спорной точки зрения.

О.Л. Флеонова относит к основным темам, во-первых, явление смерти, так как оно ассоциируется с наиболее негативными концептами утраты и горя. Также в тематическое поле включаются шутки про увечья, импотенцию, унижения разного характера, отсутствие базовых удобств, ущемления прав и свобод, репрессии. Смех над болевыми точками становится инструментом лишения этих явлений своей негативной силы [Флеонова, 2004: 16]. Л.П. Крысин выделяет несколько групп табуированных тем. Так, табуируются темы смерти и болезни, интимных взаимоотношений полов, физиологических процессов [Крысин, 1994: 34]. М.А. Евстафьева

выделяет шесть тематических компонентов черного юмора: явление смерти, «разрушение телесной целостности», страхи и опасность, угроза близким, социальные бедствия и «некрофильство» [Евстафьева, 2017: 30]. Первые две темы считаются доминантными, поскольку затрагивают наиболее табуированные тематики всего, что имплицитно и эксплицитно связано со смертью: похороны, убийства, увечья, смертельные болезни и подобное.

В. Кебуладзе также предлагает рассматривать феномен смерти в черном юморе как приоритетную тему, поскольку она связана с главным страхом человечества [Кебуладзе, 2004: 71], такой точки зрения придерживается Н.В. Терещенко, которая ставит табу смерти во главе всех табуированных тематик, связанных со страхами [Терещенко, 2005: 87]. О важности данной темы свидетельствует, к примеру, большое количество синонимов, эвфемизмов и дисфемизмов в англоязычных культурах, среди которых есть часть циничного и насмешливого характера. К таким выражениям относятся *to bite/ lick the dust* – укусить/поцеловать землю, *to hop the twig* – перепрыгнуть через веревочку или же *to pop off* – «умереть, где смерть ассоциируется с вылетающей пробкой от шампанского» [Жельвис, 2013: 178]. Джеймс Торсон выделяет два основных вида юмора о смерти, где первый традиционно ассоциируется с телом. Это шутки о каннибализме, похоронах, погребении, некрофилии, гробовщиках и т.п. Второй тип соотносится с личностью, и затрагивает темы суицида, гомицида, казни, последних слов умирающего, агонии, а также персонификации смерти [Thorson, 1985; цит. по Durkin, 2003: 46].

Об основных тематиках, неприемлемых для обсуждения, можно судить по словарям эвфемизмов, разбитых на рубрики. Туда включены темы зависимостей, выделений организма, человеческого тела, деторождения и аборта, болезней, проституции, религии, порнографии, сексуальных отношений и ориентации, различных преступлений, суицида, военных действий [Holder, 2008]. Как правило, включённые в такие словари тематики отражают коммуникативные табу в том или ином обществе.

Черный юмор во многом реализуется за счет табуированных тематик, которые имеют как межкультурный, так и глубоко национальный характер. К межкультурным табуированным темам можно отнести тематику тела, а также смерть и разные ее вариации, о чем свидетельствует, например, большое количество эвфемизмов. Необходимо отметить и то, что ценность табуированного юмора варьируется от культуры к культуре, что также находит свое отражение в нарушаемых в черном юморе табу.

1.2. Табу как социокультурный и лингвистический феномен

Сохранить целостность определенной социальной группы помогают некоторые согласованные границы, и в пределах этих границ существуют понятия нормального и приемлемого. Как «чистое» неотделимо от понятия «грязного», так и нормальное в обществе существует благодаря абнормальному [Chilcott, 2001: 13]. Границы в любом обществе — это непосредственно табу. З. Фрейд в своей работе «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» отметил, что явления табу двойко: это одновременно и нечто священное, и нечто запретное, опасное [Фрейд, 2009: 62]. Несмотря на свою природу, сегодня под табу чаще всего понимается серьезный по культурным меркам запрет. Табу возникают из-за социальных ограничений поведения человека, чтобы предотвратить действия, которые могут вызвать дискомфорт или причинить какой-либо вред. Даже непреднамеренное нарушение запретов таит в себе осуждение и порицание [Allan, 2006: 9]. «Табу, по существу, является именно той гранью, которая отделяет новорожденное тотемическое общество от зоологического стада зверей» [Бородай, 1996: 12].

Табу представляют собой очень древние запреты, в прошлом извне наложенные на поколение примитивных людей, то есть насильственно навязанные этому поколению предыдущим. Эти запреты переходили от поколения к поколению, скорее всего благодаря традиции, передававшейся с

помощью родительского и общественного авторитетов [Freud, 1919: 34; цит. по Leeming, 2014: 1774]. В немецком словаре «Duden» табу в общем смысле определяется как «негласный закон, запрещающий совершать определённые действия из-за определённых общественных убеждений» [Duden, 2018]. Необходимо также отметить, что это не культурно специфичное явление, так как отголоски наиболее укоренившихся в сознании общества табу сохранились в каждой культуре до сегодняшнего дня.

Выделяют также определяющие характеристики табу [Sabri, Manseau, Pras, 2010], к ним относятся следующие:

– Табу являются продуктом культуры, и они значительно разнятся от одной культуры к другой, несмотря на взаимодействие в глобальном пространстве. Так, к примеру, гомосексуальность не детабуирована в мусульманских странах, хотя в большинстве европейских стран стала приемлема.

– Имеет природу поведенческого или коммуникативного запрета. Разделение их на эти две группы подчеркивает "абсолютную природу" табу, потому что в своей сути это одновременно и коммуникативный, и поведенческий запрет, формирующий страх наказания за его нарушение.

– Сакральная/магическая природа табу. Здесь необходимо отметить что религиозные запреты, то есть сакральные, не имеют функцию ограждения от потенциально опасных действий или явлений, в то время как табу магической природы выполняют эту задачу. Они не построены на каких-либо сакральных объектах, а их соблюдение дает людям возможность защитить себя от болезней, несчастных случаев или смерти.

– Контагиозность. Ранее табу могло передаваться при прикосновении к сакральному предмету, так, коснувшийся определенной части трупа мог стать прокаженным и быть исключен из общества. На сегодняшний день передача табу представлена в социальном контексте: представитель определенной группы, проявивший девиантное поведение, автоматически подвергает риску остальных членов группы.

– Двойственность. Эмоциональная составляющая табу амбивалентна, так как вызывает одновременно и неприятие, так и подсознательное желание его нарушить [Freud, 1912; цит. по Sabri, Manceau, Pras, 2010: 63].

С лингвистической точки зрения, табу является важным феноменом, хотя и не представляет собой собственно языковое явление. Согласно словарю лингвистических терминов Т.В. Жеребило, табу это «запрет на слова, которые обозначают почитаемые или, напротив, «плохие» явления и понятия» [Жеребило, 2010: 392]. То есть особое влияние имеют внелингвистические факторы (суеверия, различные предрассудки, страхи, стремление к вежливости т. п.). Табу современного Западного общества, как правило, опираются на традиции этикета. Их использование является неприемлемым в социальном контексте: такие выражения избегают не из-за страха, возникшего в ранних формах общества, что физический или метафизический вред может быть причинен говорящему или аудитории, но из-за того, что говорящий тем самым уязвит чувства аудитории и упадет в ее глазах. Некоторые говорящие утверждают, что употребление табуированной лексики задевает их собственные чувства из-за подразумеваемого уродства самих табуированных выражений [Burridge, 1997: 61].

Табу целесообразно рассматривать в культурном аспекте, тогда табу это «социальный образец взаимодействия между интерактантами в тех или иных условиях, это элемент культурной идентичности, причем, прежде всего, коллективной идентичности» [Гришаева, 2005: 287]. То есть табу — неотъемлемая часть коммуникации и общественных отношений, культуры социума. По мнению Л.В. Гришаевой, культурные табу как явление отличаются от запретов, регламентаций, инструкций и предписаний. Для того, чтобы их разграничить она предлагает классификацию, состоящую из следующих критериев отличия:

– Дискурсивный релятивизм. Он состоит в том, что «в некоторых условиях реализации интеракции может или не может варьироваться организация взаимодействия между коммуникантами», т.е. условием для

признания феномена в качестве табу должно быть отсутствие дискурсивного релятивизма.

– Степень категоричности/обязательности следования социальным образцам взаимодействия. Табу не вызывает никаких сомнений в степени своей обязательности соблюдения и категоричности.

– Культурная детерминированность. Табу формируются как уникальная часть культуры, многие исследователи сходятся во мнении, что их нельзя заимствовать из других культур в силу их специфичности (К. М. Шилихина, С. Ю. Павлова).

– Социальная кодификация, которая может быть зафиксированной формально или присутствовать в социуме в силу традиции. При наличии табу какая-либо формальная кодификация отсутствует.

– Личная значимость. Если следование запретам или их нарушение это индивидуальный выбор каждого человека, который определяется спецификой его личностной идентичности, то соблюдать табу склонны все члены социума.

– Субкультурная чувствительность. Для табу данный признак чаще всего нетипичен [Гришаева, 2005: 288]. Таким образом, необходимо отметить, что как и к черному юмору, к табу имеет отношение ряд близких по значению терминов, который не всегда являются синонимами табу.

Условия коммуникации в определенном обществе накладывают также некоторые коммуникативные ограничения, которые зачастую проявляются в запрете прямых наименований. Это одна из основных «гармонизирующих тактик толерантного поведения» [Вепрева, 2008: 52]. В случае, если табу рассматривается как языковой запрет, его целью становится исключение из употребления именно «слова-названия» табуированного явления [Рутер, 2007: 51]. Само явление в данном случае не затрагивается, поскольку языковое табу не нацелено на устранение понятия как такового, и здесь табу тесно связано с понятием эвфемизма. Эвфемизм может быть представлен как в виде синонима к запретному слову, так и в виде описательной

конструкции, обобщенного названия или местоимения – способы косвенного обозначения табу разнообразны. В англо-американском дискурсе ранее использовались два слова, обозначающих темнокожих людей: «nigger», имеющее отрицательную коннотацию и затем «negro», нейтральное обозначение. Сегодня они, как и слова «black» и «colored», крайне нежелательны к употреблению и считаются оскорбительными. Сейчас ниша нетабуированного обозначения темнокожих американцев отдана лексеме «Afro-American» [Кашкин, Смоленцева, 2005: 247]. Человека с астрологическим знаком Рака могут называть «moonchild», чтобы избежать употребления слова «cancer», вызывающего ассоциации с болезнью. В данном случае используется метафора, в которой полностью отсутствуют семы, связанные с болезнью и смертью. [Кипрская, 2005: 11]. Вместо лексемы «disable» по отношению к человеку, имеющему инвалидность или какое-либо отклонение, используют выражения «person with special needs», вместо «euthanasia» – «to put to sleep», а немецкоязычное «dick» в отношении полного человека заменяется на «übergewichtig». Необходимо отметить и то, что количество эвфемизмов как в английском, так и в немецком языке за последние десятилетия значительно возросло, что косвенно свидетельствует об увеличении количества табуированных выражений. Таким образом, эвфемизм представляет собой эффективный способ устранения негативных ассоциаций, а также механизм регуляции речи.

В Лингвистическом Энциклопедическом словаре табу определяется как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён», а также указывается, что «к табу можно отнести тенденцию не говорить прямо о смерти, тяжёлой болезни, избегать упоминаний о «неприличных» предметах и т. п.» [ЛЭС, 1990]. То есть феномен табу достаточно широк в языковом смысле, так как распространяется не только на употребление конкретных лексических средств, но и на некоторые темы, которые коммуниканты могут найти неприемлемыми в силу культурных установок и взглядов. «Табуированность (или, точнее, условная

табуированность) знаков или тематических сфер связана с исторической памятью о его использовании и с политической выгодой момента» [Кашкин, Смоленцева, 2005: 246].

В рамках данной работы табу рассматривается с позиции разграничения тематик, то есть в качестве явления коммуникативного порядка. Данный выбор обосновывается тем, что, несмотря на осуществление детабуирования в жанре стендап с помощью языковых средств, нарушение табу возможно без использования табу словесных. Понимание табу как коммуникативного явления, в таком случае, включает в себя как избегание определенных запретных тем, так и набор различных вербальных и невербальных ограничений, нарушение которых санкционированно.

Таким образом, табу – это часть любой культуры, важный ее элемент и хранитель коллективной памяти этноса. Его можно рассматривать как явление нескольких сфер, так как «с точки зрения функционирования, табу – это и культурный, и общественный, и лингвистический феномен, с точки зрения возникновения и мотивации – психологический, и всегда ограниченный временными и пространственными рамками" [Попова, 2014: 15].

1.2.1. Классификации табу

Сложность вопроса табу проявляется также на уровне классификации. Одна из первых попыток классифицирования была предпринята Дж. Фрэзером в 1913 году. Рассматривая табу как религиозный запрет, он выделил такие виды как: табу на предметы (оружие, пищу, украшения), на произнесение некоторых слов (имен богов или мертвых, сквернословия), на взаимодействие с определенными людьми (прикосновение к вождю, убийцам, женщинам во время родов) на манипуляции с волосами и телом [Фрэзер, 2001].

На сегодняшний день единой классификации табу не существует, но в литературе разного времени представлен достаточно широкий спектр авторских классификаций. Для данной работы представляются актуальными следующие из них.

Р.А. Газизов в своих работах выделяет три вида табу:

– Речевые или вербальные табу – это «запрет на употребление грубых и нецензурных выражений, а также неуместных в той или иной коммуникативной ситуации речевых формул, использованных без учета статусно-ролевых отношений между коммуникантами» [Газизов, 2011: 37]. К примеру, наиболее ярким языковым табу в американской культуре является использование слов, так или иначе дискриминирующих представителей разных национальностей [Стернин, 2001].

– Тематические табу подразумевают запреты на обсуждение тем, которые считаются неэтичными и потенциально конфликтными. Этот вид табу представлен многочисленными темами, определенными общественными нормами как нежелательные для обсуждения.

– Невербальные табу «предписывают запреты на использование отдельных компонентов невербального поведения во время общения» [Газизов, 2011: 37].

Согласно классификации В. И. Карасика, по отношению юмора к табу можно выделить три позиции:

– Запрет сакрального характера, «его высмеивание является святотатством и кощунством»;

– Запрет морального характера, нарушение которого неприемлемо для большей части людей;

– Запрет условного характера, «его осмеяние санкционировано в данной культуре». [Карасик, 2002: 269].

Хартмут Шрёдер дает несколько иную классификацию табу, представляющую собой органическую включенность и взаимосвязанность одних видов табу с другими. По его мнению, предметные табу

(«Objekttabus») и табуированные действия («Tattabus») сопровождаются и защищаются с помощью табуированных тем («Kommunikationstabus»), табуированной лексики («Worttabus») и табуированных изображений («Bildtabus»), а они поддерживаются с помощью табуированных представлений («Gedankentabus») и табуированных эмоций (Emotionstabus) [Schröder, 1997: 12].

По классификации Я.В. Поповой выделяется три уровня дискурсивного табуирования: приватный (личный), интракультурный и интеркультурный. В соответствии с этими уровнями выделяются личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные табу. Личностно-тезаурусные табу представляют собой индивидуальные табу, которые во многом определяют поведение человека и могут не совпадать с табу окружающих, они отражают «потребность коммуниканта избегать нежелательных для него номинаций, тем, действий» [Попова, 2014: 16]. Интракультурный уровень включает в себя культурно-узуальные табу, то есть табу, «общепринятые в рамках определённой лингвокультуры» [Там же: 18]. Они могут значительно варьироваться от культуры к культуре. Столкновение табу различных лингвокультур происходит на интеркультурном уровне, где функционируют межкультурно-обусловленные табу. Их нарушение зачастую основано на расхожести систем ценностей, взглядов и установок в разных культурах [Там же: 19].

Говоря об особенностях черного юмора в американской и немецкой культурах в целом, представляется целесообразным не концентрироваться на личностно-тезаурусных и межкультурно-обусловленных табу, а уделить внимание культурно-узуальным. Можно сказать, что именно эти табу определяют специфику черного юмора в каждой конкретной культуре и поэтому нарушаются в выступлениях комиков, так как они понятны и достаточно близки каждому зрителю.

На сегодняшний день существуют разные классификации табу, в каждой из которых представлены различные критерии. В зависимости от

подхода исследователя, табу рассматривается как словесный запрет, так и коммуникативный, что усложняет рассмотрение и понимание данного феномена.

1.2.2. Феномен детабуирования

З.Фрейд в своих трудах отметил, что человеку остро необходимо «разрушить что-либо или кого-либо, чтобы удержаться от стремления разрушения самих себя, чтобы удержаться от позывов к самоуничтожению» [Фрейд, 2009: 121]. Данное высказывание достаточно точно объясняет природу такого процесса как детабуирование. Если под табуированием понимается «экспликация табуированных речесмыслов при сохранении табуированного денотата», под детабуированием «рассматривается их реализация при нарушении табуированного денотата» [Попова, 2014: 196]. Его также можно определить как «открытое и интенсивное использование слов и тем-табу в коммуникации» [Куницына, 2012: 246].

Культура любого народа постепенно изменяется, появляются новые элементы, отмирают старые, поэтому есть динамика и относительно табу. Вильсон и Уэст в результате ряда исследований пришли к выводу, что со временем табу имеют тенденцию изменяться. Например, в 1980 году такие темы как средства женской гигиены и средства контрацепции и соответствующая лексика были табуированы, но к 1992 году данные табу были разрушены. Разрушение табу было последствием секуляризации общества и социальной революции [Wilson, West, 1981, 1992, 1995; цит. по Sabri, Manseau, Pras, 2010: 62]. На сегодняшний день ни одна из этих тем также не является неприемлемой, о чем свидетельствует, в частности, реклама данных продуктов.

Одним из эксплицитных последствий процесса детабуирования иногда является активное использование агрессивной лексики, «включающей в свою семантику семы опасности, жестокости, враждебности» [Вепрева,

Мустайоки, 2006: 146]. Использование такой лексики постепенно ослабляет остроту восприятия явлений, описываемых ею.

Обращаясь к степени детабуизации, О.М. Куницына указывает такие параметры как: социальные характеристики, экстралингвистические факторы, «средство коммуникации, статус темы-табу, прагматика отправителя и получателя, принятые в обществе морально-этические нормы, социальная ситуация» [Куницына, 2012: 199]. Каждый из этих факторов влияет на степень и способы детабуирования. О.М. Куницына приводит в своей работе также классификацию М.Л. Апте, который рассматривает такие функции детабуирования как:

- ощущение освобождения от социальных условностей;
- проявление невербальной агрессии;
- провоцирование незамедлительной реакции на сказанное;
- выражение протеста против понятий, которые автор не считает табуированными или табуирование которых представляется ему устаревшим;
- ослабление напряжения, выражение негативных эмоций [Апте, 1994: 4514; цит. по Куницына, 2012: 75].

Я.В. Попова выделяет также ряд способов, посредством которых может происходить процесс детабуирования. К ним относятся дисфемизация, прямая номинация, использование номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой», «сенсационализация», псевдодисфемизация, стереотипизация [Попова, 2014: 88]. Для черного юмора в большей степени характерны такие приемы как дисфемизация, то есть намеренное огрубление сказанного, прямая номинация, так как это привлекает внимание зрителя и вызывает у него определенный шок, а также «сенсационализации», поскольку данный прием направлен на «усиление зрелищности, сексуального подтекста, преувеличение катастрофичности и абсурдности описываемого явления, криминализации ситуации» [Там же: 88], что зачастую используется в коротких юмористических панч-лайнах.

Несмотря на отсутствие единого подхода к феномену детабуирования, то есть процессу нарушения табу, его реализации, можно сказать, что оно является неотделимым от понятия табу. Наиболее часто детабуирование связано с естественным переходом ранее табуированных тематик в разряд нетабуированных. Также детабуирование имеет ряд функций социального характера, что свидетельствует о связанности данного явления с процессом коммуникации.

1.3. Табу в американской и немецкой лингвокультурах

В американской культуре и немецкой лингвокультурах существует ряд достаточно общих табу. Они касаются тем сексуальных девиаций, болезней, смерти, насилия, пьянства и употребления наркотиков, физических и умственных отклонений. Тем не менее, культурный и исторический факторы сформировали пласт культурно-узуальных табу, актуальных именно для каждой из культур.

Среди американцев проводились исследования о приемлемости того или иного табу в различных ситуациях, а также «стоимости» табу в денежном эквиваленте, когда это касалось правовых аспектов (Tetlock, 1996; Lichtenstein, 2007; Hanselmann, Tanner, 2008). Исследование Френсиса Шена «Rare, money, and the psychology of taboo» (2013) показало, что корреляция между табу и деньгами возможна в 80% случаев [Shen, 2013: 1023]. Это свидетельствует об определенно прагматичном отношении к табу у американцев. Тем не менее, ряд табу, которые касаются национальной идентичности и независимости, свобод и прав индивида, а также интеллектуальных и экономических аспектов, является основополагающим в американской культуре.

По сравнению с американской культурой, немецкое общество представляет собой более консервативное и закрытое, что частично объясняется тем фактом, что немецкая культура является низкоконтекстной и

более дистантной. Представители американской лингвокультуры охотно поддерживают темы сексуальных отношений, религии и политики, в то время как среди немцев данные темы не принято обсуждать открыто. В определенном смысле это наблюдение справедливо и по отношению к смеховой культуре, несмотря на распространенный стереотип о прямолинейности немецкого юмора. Несмотря на свою юмористическую прямоту, табу в юморе немцев нарушаются несколько реже.

К табуированным темам в немецком обществе относят душевные и физические болезни, различные виды инвалидности, религию, обсуждение сексуальной ориентации, бесплодие, аборт, изнасилование, инцест, измены в браке, процесс поиска полового партнера, суициды, терроризм, войну и ее последствия, а также миграцию [Ameln, Gerstmann, Kramer, 2009: 267]. В работе Хартмута Шрёдера «Tabus, interkulturelle Kommunikation und Fremdsprachenunterricht» (1997) указана классификация Ганса Вагнера (1995), который выделял 5 основных групп табу:

– Табу сексуальной сферы (Гомосексуальность, инцест, растление несовершеннолетних, сексуальная жизнь пожилых людей, женская педофилия, контрацепция, менструация, последствия распущенной половой жизни);

– Табу сферы здоровья (Болезни пищеварительной системы и органов выделения, геморрой, газообразование, проблемы недержания, «болезни трущоб» («Elendskrankheiten»), проказа, искусственные части тела, накладные волосы);

– Табу насилия (жестокое обращение с детьми, пожилыми, конфликты с применением физического насилия);

– Табу смерти;

– Политические табу (антисемитизм, ответственность за войну, оккупированные Германией восточные территории, свобода печати) [Wagner, 1995; цит. по Schröder, 1997: 11]. Шрёдер добавляет также табу эвтаназии,

подчеркивая, что данная тематика тесно связана с исторической памятью об процедурах эвтаназии во времена Третьего Рейха.

Н.И. Замерченко, отмечая, что «понятие табуированности лежит в морально-этической плоскости общественного сознания, в связи с этим классификация тем на допустимые / недопустимые носит также морально-этический характер» [Замерченко, 2015: 4], говорит о таких коммуникативных табу в немецкой лингвокультуре как национальность, сексуальная ориентация и половая принадлежность, алкоголизм, выделения тела, различного вида отклонения и сексуальные девиации, острые политические вопросы, насилие, а также заработная плата и социальный статус. Большинство из указанных в данных классификациях табу сохранились и до сегодняшнего дня, но культурно-социальные сдвиги в обществе неизбежно сопровождаются изменением, отмиранием и появлением табу.

Необходимо также отметить, что большинство табу будет рассматриваться именно по отношению к феномену «черного юмора», так как данные темы нельзя назвать табу в традиционном понимании этого слова. Они могут быть обсуждаемы в СМИ, поскольку являются остросоциальными, но шутить о них, особенно в контексте черного юмора, нельзя, это считается крайне неэтичным.

1.3.1. Табуированная сфера интимных отношений

По вполне естественным причинам, в табуированное поле попадают запреты на проявление агрессии и насилия, сексуального влечения к определенным объектам (кровные родственники, дети, животные и т.д.), а также запреты на определенные формы сексуального поведения (принуждение и пр.). Нарушение большинства из этих запретов преследуется по закону, другие же достаточно жестко табуированы непосредственно обществом. Сюда можно отнести открытое обсуждение венерических

заболеваний, беспорядочные сексуальные связи, или же посторонние связи при браке, связи людей с большой разницей в возрасте и другие формы поведения, не поощряемые в обществе.

США, как и многие другие страны, пережила так называемую «сексуальную революцию», что не могло не отразиться на ключевых аспектах табу в американском обществе. Detaбуированной стала не только лексика, относящаяся к сексуальной сфере, но и ряд тем, сопряженных с ней таких как средства контрацепции и ориентация. Прямая номинация полового сношения перестала быть актом detaбуирования, и слово «sex» используется наряду со словами «relationships», «love» или «date».

Более открытым по отношению к теме сексуальной ориентации американцы стали после 1970-х годов XX века, когда произошло два знаменательных для сексуальных меньшинств страны события. В 1972 году психолог Джордж Вайнберг ввел в широкое употребление термин «гомофобия», который прочно вошел в лексикон американского общества. Годом позже, гомосексуальность официально перестали считать одним из видов психических расстройств, относящихся к психопатии [Herek, 2004: 6]. Этим событиям предшествовал период открытой неприязни по отношению к гомосексуалистам.

В целом, опросы общественного мнения показывают, что американцы сегодня становятся более и более либеральными в вопросах, касающихся сексуальных табу. После удивительно быстрой, по историческим и культурологическим меркам, перемены настроений, гомосексуальность в обществе больше не рассматривается как моральное табу. С другой стороны, некоторые американские граждане полагают, что страна подвергается деморализации [Morini, 2017: 3]. Представляет интерес и тот факт, что понятие гомосексуальность частично ушло из табуированного поля, в то время как понятие гомофобии вошло в один ряд с такими проявлениями нетерпимости как расизм, то есть перешло в разряд табуированного.

Если вопросы гомосексуализма сегодня рассматриваются достаточно открыто, а дискриминация по сексуальной ориентации преследуется по закону, то такая тематическая область сексуальных отношений как полигамия, нестандартные формы секса, мастурбация и порнография остаются достаточно строгим табу. Ассоциативный ряд, связанный с порнографией и проституцией в сознании общества включает грубость, насилие, зависимость, шокирующий контент. Предупреждения, касательного этого табу идут из разных социальных институтов: церкви, школы, семья [Lovato, 2011: 23]. В СМИ для слова «pornography» используют эвфемизмы «adult entertainment», «films for adults» или «films with mature content». В Германии отношение к контенту для взрослых отличается в положительную сторону, так как индустрия является более легализованной и безопасной по сравнению с США.

Тем не менее, тема сексуальности в сознании немецкого общества всегда была неразрывно связана с различного рода ограничениями. Основы отношения к данной теме были заложены религией, в частности ограничениями католической и протестантской церкви, где сексуальные отношения рассматриваются в узком смысле, только как репродуктивная функция. С связи с этим определенные явления, нерешенные проблемы в этой сфере или публичное обсуждение достаточно строго табуированы. Вследствие этого была сформирована репеллентная поведенческая модель.

Поскольку запреты имеют свойство ослабевать, а социум зачастую хочет избавиться от репрессивных механизмов, возникает такое явление как сексуальная революция, которая подразумевает изменения «характеризующиеся существенными преобразованиями сексуальных ценностей, ориентаций, норм, санкций и сексуальных отношений» [Новейший философский словарь, 1999]. Такая революция произошла в Германии в середине XX века, после чего отношение общества к теме сексуальности значительно изменилось. Её стали рассматривать как часть здоровья человека и неотъемлемую часть функционирования, что привело к

значительному детабуированию не только вопросов сексуальных отношений, но и тем контрацепции, сексуального образования, аборт и бесплодия. Тем не менее, сегодня тема сексуальности считается крайне приватной.

Примечательно, что в Германии приветствуется позитивное отношение к сексуальности дискриминируемых социальных групп. Так, в статье «Das doppelte Tabu» [Landschek, 2011] описывается такой аспект как сексуальное влечение, испытываемое людьми пожилого возраста или людьми с инвалидностью. Столь неоднозначная тема поднимается в последнее время (период с 2015 по 2018) в немецкоязычном обществе часто, и практически единогласно отмечается, что данную тему необходимо освещать.

В юмористических выступлениях тема сексуальных отношений активно затрагивается, но в черном юморе она чаще всего сопряжена с различными девиациями (некрофилия, педофилия, зоофилия), насилием и нетрадиционными формами секса. Зачастую комики используют дисэвфемизмы сферы интимных отношений для дополнительного привлечения внимания слушателя.

Итак, можно отметить, что при наличии общих табу, американская и немецкая лингвокультуры относятся несколько иначе к неоднозначным аспектам интимной сферы. К таким явлениям можно отнести гомосексуальность, которая для Германии представляется менее табуированным явлением, чем для американцев, или же сексуальность инвалидов, которая достаточно активно освещается среди немцев. Также в американском обществе можно отметить консервативность в отношении порнографии и проституции, в то время как немецкое общество, являясь более закрытым, достаточно толерантно в отношении этих табу.

1.3.2. Табуированная сфера телесного

Тематическое поле тело и здоровье включает в себя ряд табуированных тематик, затрагивающих различные аспекты. Сюда включаются не только

тематики физических выделений или увечий, но также темы старения и смерти.

В первую очередь интересно отметить неоднозначность темы старения в американской культуре. Это появляется, к примеру, в табу-теме старения половых органов и женского тела в целом, сексуальной жизни людей старшего возраста, теме социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди. В исследовании «Aging in America: Ageism and General Attitudes toward Growing Old and the Elderly» обсуждаются такие вопросы как недостаток уважения, маргинализация и стереотипизация пожилых, которая поддерживается американскими СМИ. Так, они часто характеризуются с помощью оценочных прилагательных «sad», «depressed», «senile», «wrinkled», а ряд исследований обнаружил смешанные чувства молодого поколения по отношению к старшему. Также в ходе исследования было выявлено, что больше всего молодых респондентов волнуют темы ухудшения физического, ментального здоровья и внешности в процессе старения [Berger, 2017]. В аспекте черного юмора данные тематики чаще всего сопряжены с феноменом смерти.

Говоря о смерти, отмечается, что табуированность этой темы варьируется. Так, в статье «Taboo and the different death? Perceptions of those bereaved by suicide or other traumatic death» (2015) исследуется отношение к данному явлению и отмечается, что восприятие феномена смерти в XXI веке изменилось. Сегодня ее обсуждают журналисты, доктора, полиция и ученые, но все же восприятие смерти, например, как неизбежного окончания жизни после тяжелой болезни и внезапной, трагичной кончины по вине обстоятельств или других людей значительно разнится. Также и разным бывает отношение к смерти к личной потере и смерти публичного характера [Chapple, Ziebland, Hawton, 2015: 612].

Немалая часть табу в американской культуре связана с женским телом. Так, менструация считается неприятной частью функционирования репродуктивной системы и не подлежит открытому обсуждению.

Менструация чаще всего рассматривается как процесс, который доставляет дискомфорт и создает чувство неловкости [Webster, 2017: 9]. В целом, женщины в период менструации, беременности, родов, кормления грудью, менопаузы в определенной степени стигматизируются обществом, особенно мужчинами, что вызывает естественное табуирование данных тем [Johnston-Robledo, Chrisler, 2013: 128]. Недавние исследования показали, что даже появление в публичном месте со средствами женской гигиены или открытое их обсуждение вызывает значительный дискомфорт [Johnston-Robledo, Christler, 2011; цит. по Chrisler, 2013: 128]. С данной областью сопряжена тема табуированности волос на женском теле. Отсутствие таких волос является частью нового идеала красоты, а их присутствие стало практически табу. Природа запрета на наличие волос на женском теле объясняется отнесением этого естественного явления к грязному и неприятному с эстетической точки зрения, так как оно ассоциируется с отсутствием гигиены [Smelik, 2015: 246].

Физический акт родов, который является первостепенным элементом человеческого опыта, редко исследовался, особенно в изобразительном искусстве, в то время как другие социально запретные физические акты теперь регулярно изображаются и обсуждаются в связи с их шокирующей составляющей. Наиболее табуированной темой является фактически физическое явление, моменты разделения, когда мать выталкивает ребенка из тела [Imogen, 2009: 134]. Если беременность затрагивается в юморе, то тема аборт даже в черном юморе фигурирует относительно редко, так как по своей сути относится сразу к нескольким табуированным семантическим полям: смерть, убийство, и, зачастую, насилие.

Заболевания личного характера также табуированы, особенно часть их, связанная с репродуктивной системой и выделениями тела. Психические заболевания, которые включают такие крайне табуированные диагнозы как некрофилия, изначально рассматривались как одержимость, которая, в преимущественно религиозном американском обществе, была основанием

для прекращения коммуникации с больным и страха перед ним. Несмотря на то, что психические заболевания теперь объясняются химической неустойчивостью в теле или тяжелым детством, они все еще рассматриваются как табу и не воспринимаются обществом [Lovato, 2011: 25].

В вопросах здоровья немцы проявляют с одной стороны открытость, а с другой относят это в сферу частного. Сказать, что обсуждение каких-либо болезней является строгим табу нельзя, но болезни, передающиеся половым путем, относятся к наиболее табуированным. Болезнь может стать клеймом, поэтому СПИД и другие заболевания, передающиеся половым путем, находятся в фокусе табу. Тяжелая физическая болезнь такого типа также как и у американцев ассоциируется с «моральными отклонениями» (например, половая распущенность), меньшинствами (гомосексуалисты, иммигранты), а также преступностью (люди, страдающие от наркотической зависимости, вовлеченные в проституцию и т.д.) [Badura-Lotter, 2014: 548]. В табуированное поле входит так же обсуждение таких стигматизирующих заболеваний как алкогольная и наркотическая зависимости. Смертельные заболевания не входят в строго табуированное поле, так как не являются табуированной тематикой в общем смысле, но их обсуждение в юмористическом контексте крайне ограничено.

Отдельным табуированным аспектом в немецкой культуре являются темы прерывания беременности и бесплодия. Женщины, совершившие аборт, как правило никогда не обсуждают это из-за страха стигматизации обществом. Об актуальности данной темы свидетельствует, например, то, что в 2017 году эта тема освещалась в качестве табу в газетах «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Zeit», «Die Welt», а также наличие таких социальных проектов как «Tabu Abtreibung», который публикует открытую информацию по данной теме, а также интервью с женщинами, пережившими аборт. Отмечается, что данная тема не поднимается во время занятий по сексуальному образованию в школах и университетах, поскольку тесно

связанная с темой смерти и убийства, что значительно влияет на табуированность данной темы. Также влияет тот факт, что Уголовный Кодекс Германии регулирует аборт, в нем указано наказание за совершение аборта как посторонним лицом, так и самой женщиной: «(3) Begeht die Schwangere die Tat, so ist die Strafe Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder Geldstrafe» («Если беременная женщина совершает данное преступление, наказание представляет собой лишение свободы на срок до одного года или штраф» прим. перевод свой) [Strafgesetzbuch, §218.Schwangerschaftsabbruch, 2018].

Феномен смерти в немецкой культуре является менее табуированным, чем в американской. В работе «Empathie und Tabu(bruch) in Kultur, Literatur und Medizin» [Lehmann-Carli, 2013] отмечается, что смерти отношение к смерти даже 30 лет назад было иным. К свободно обсуждаемым явлениям жизни относили только акт рождения, появления на свет, в то время как темы смерти избегали. Это было связано во многом с тем, что раньше болезни ассоциировались со смертью настолько, что больные, и, соответственно, места их лечения подвергались определенной изоляции как физической, так и в публичной и межличностной коммуникации. Сегодня в немецком обществе предпринимаются попытки освещать этот феномен как часть человеческого существования, наравне с рождением [Там же: 96].

Можно сделать вывод, что отношение к телесным табу у представителей американской и немецкой культур схожи, но фокусируются на разных аспектах. Так в обеих культурах болезни стигматизируют человека, но для немцев более табуированной сферой являются венерические болезни, а для американцев – болезни психического характера. Также наблюдается крайняя степень табуированности вопроса абортов в немецкой культуре. Разнится отношение к явлениям старения и смерти, которые более закрыты в рамках американской культуры.

1.3.3. Табу дискриминации и стереотипизации

Тенденции нового века показывают, что как американское, так и немецкое общество стремятся к равенству во всех аспектах. Были выделены слои населения, по тем или иным причинам угнетаемые большинством. В группы, находящиеся под социальным давлением, входят женщины, гомосексуалисты, инвалиды, люди, страдающие ожирением или имеющие явные физические недостатки.

Так как вопрос человеческих прав и свобод всегда являлся краеугольным камнем американского общества, это оказало влияние на развитие тематики дискриминации. Отдельным табу стали темы рабства и торговли людьми, в силу исторических причин. Эти темы также связаны с такими «темными» аспектами общества как бедность, проституция, педофилия и насилие.

Национальная борьба за равенство дискриминируемых групп в США нашло отражение в лексическом пласте языка. Не принимать во внимание появление новых терминов сложно, потому что «язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера» [Тер-Минасова, 2000: 74]. Появились такие слова как «lookism» (1978) – «prejudice or discrimination based on physical appearance and especially physical appearance believed to fall short of societal notions of beauty» [Merriam-Webster dictionary, 2018], «ageism» (1969) – «prejudice or discrimination on the basis of a person's age» [Oxford dictionary, 2018], «ableism» (1981) – «discrimination or prejudice against individuals with disabilities» [Merriam-Webster dictionary, 2018], «sexism» (1963) – «prejudice, stereotyping, or discrimination, typically against women, on the basis of sex» [Oxford dictionary, 2018]. Это явление свидетельствует о развитии данной темы в аспекте табуирования, так как в общественном сознании они приравниваются к расизму, строго табуированному в американском обществе.

Вопросы дискриминации зачастую поднимаются в академической среде. Это как вопрос предубеждений относительно женщин-исследователей, так и

дискриминации иммигрантов среди школьников и студентов. Отмечается неприятие национальных атрибутов, в частности одежды, акцентов, поведенческих паттернов, а также общая стереотипизация. Она проявляется, например, в более тщательной проверке студентов из арабских стран в аэропорту, или же отклонении заявлений на основании их национальности [Lee, Rice, 2007].

Говоря о немецком обществе, необходимо отметить, что оно отличается высоким уровнем подавления агрессии, поскольку агрессивное поведение ассоциируется с преступностью (нарушение основополагающих культурных концептов «порядочность», «законопослушаность»), а также с историческими событиями в истории страны. Во многом это стало основанием крайне важного концепта немецкого общества – толерантности. Толерантное поведение включает в себя принятие меньшинств и недопустимость социальной дискриминации по каким-либо признакам.

В 1977 году в ассоциации немецких региональных общественных телерадиокомпаний разразился скандал относительно фильма Вольфганга Петерсена. Один из актеров сыграл студента-гомосексуалиста и Баварское телевидение посчитало неприемлемым транслировать фильм с элементами гомосексуальных отношений. В культурном контексте Германии того времени такой контент являлся оскорбительным для публики и подвергался цензуре [Ganguin, Sander, 2006: 49]. Сегодня каналу вероятно предъявили бы обвинения в гомофобии и нетерпимости, хотя нельзя сказать, что абсолютное большинство немцев поддерживает сексуальные меньшинства.

Подобный существенный сдвиг произошел в восприятии роли женщины в обществе. Немецкая реклама середины XX века, где образ женщины был тесно связан с приготовлением пищи, выбором одежды и уборкой, на сегодняшний день признана сексистской и неприемлемой, так как оскорбляет феминистические чувства. В целом, борьба за права женщин стала важной составляющей немецкой культуры. Был принят ряд мер по «феминизации» общества, в частности гендерная реформа языка, которая

была частью волны феминизма 1970-х годов, пришедшей из Америки. В связи с важностью данного вопроса, юмор на тему феминизма воспринимается остро и, как правило, не затрагивается комиками в негативном ключе.

Продуктом табу в любом языке является определённая лексика, а также инвективы. В английском языке их можно разделить на две категории: так называемые «Four-letter words», и «Discriminatory language». Последняя категория включает в себя обширный пласт лексики, которая, по тем или иным причинам, считается недопустимой. Самые весомые подкатегории это лексика расистов: например, «Italians – dagos, Jews – kikes, Poles – polacks, Chinese – chinks» и т.п. [Gao, 2013], и ненормативная лексика, связанная с сексизмом (bitch, whore и т.п.).

Инвективы представляют собой «устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [Новейший философский словарь, 2003: 420]. Инвектив в английском языке достаточно много, самые распространенные из которых относятся к наименованиям, связанным с человеческим телом. Необходимо отметить, что их использование имеет ряд функций. Например, усиление эмоциональности высказывания, ослабление психологического напряжения, оскорбление или унижение адресата, а в аспекте детабуирования это «демонстрация пренебрежительного отношения к системе запретов» [Салимова, 2016: 353]. Сравнительный анализ употребления табуированной лексики в 1986, 1997 и 2006 годах показал, что 10 наиболее часто употребляемых слов включают «fuck, shit, hell, damn, goddamn, Jesus Christ, ass, oh my god, bitch, sucks» и на протяжении этих лет остаются неизменными [Jay, 2013: 463].

В аспекте табу, касающихся дискриминации и стереотипизации, американская и немецкая достаточно схожи. В этих культурах достаточно развито толерантное отношение к ущемленным в правах группам. Историческое прошлое является запретным объектом в черном юморе в этих

культурах, так как оно сопряжено с неприятными событиями для этих групп событиями (рабство, дискриминация женщин и гомосексуалистов, расизм).

1.3.4. Исторические и политические табу

Явление табу имеет крайне тесную связь не только с культурой народа, но и с его историей, а в современном мире и политикой. Политический язык, который как в немецком, так и в английском изобилует эвфемизмами, входит в жизнь общества, во многом формируя новые представления о мире и новые табу.

Так, например, опасения, связанные с терроризмом и арабской культурой можно назвать одним из наиболее американских табу на сегодняшний день. В сознании американского общества терроризм ассоциируется с национальной трагедией, а зарождение исламофобии в США связано, прежде всего с датой «11 сентября». Некоторые исследователи, тем не менее, придерживаются мнения что, данное явление масс-медийным культурным конструктом, а также частью государственной пропаганды [Sluka, 2008: 181]. Говоря об исламофобии и арабской культуре, необходимо отметить, что через призму черного юмора комики стараются разрушить то огромное количество стереотипов, сложившихся у американской нации, и показать обществу насколько безосновательна агрессия и абсурден страх по отношению ко всем представителям этой культуры.

Вопрос национального характера всегда был достаточно трудным для американцев в силу истории страны, где проживает множество представителей разных культур. Оказывает влияние и наличие социальной дифференциации, которая особо остро воспринимается теми, кто находится ниже по социальному статусу. Принимая во внимание эти два фактора можно сделать вывод, что на сознание американцев влияет то, что страна еще не до конца сформировалась, так как волны иммиграции до сих пор продолжаются. Многие иммигранты предпочитают сохранять свою культурную

идентичность, что также замедляет формирование единой нации. Из этого проистекает концепт «diversity», который связан с такими табу темами как «white superiority», дискриминация афроамериканцев и других национальностей, социальное неравенство. Это проявляется в коммуникативных ограничениях, которые зачастую нарушаются в черном юморе.

Одним из безусловных табу немецкой культуры является фашизм, однако на сегодняшний момент отмечается значительный сдвиг в восприятии этой темы. Тематика войны затрагивается в более объективном ключе в СМИ, и не всегда вызывает неприятие со стороны представителей немецкой лингвокультуры. Под строгим запретом остаются сопутствующие тематики как холокост, национализм и периоды оккупации, а также иммиграция. «Политкорректность устанавливает нормы лингвистического поведения» [Замерченко, 2015: 6], вследствие чего значительно ограничивается употребление лексических единиц, имеющих негативные коннотации в отношении иммигрантов, а также имплицитно или эксплицитно нетолерантные. В этом случае политические табу представляют собой конструкцию «с точно измеренным эффектом воздействия на обыденное сознание» [Вепрева, 2006: 143].

Закрытой для обсуждения в юмористическом ключе является также тема иммигрантов и их влияния на немецкую культуру. Строго табуируются не только сама тема приезжающих, зачастую с Востока, но и такие сопряженные с ней аспекты как домашнее насилие в среде иммигрантов, их вероисповедание, национальная одежда, вкусовые предпочтения и интимные пристрастия.

Тема социального неравенства и богатства также относится к табуированным в немецком обществе. Данная тема подавляется за счет сформированного отношения к деньгам как к личному пространству («Über Geld spricht man nicht, man hat es»). Она включает такие аспекты как раскрытие собственных доходов, их сравнение, механизм порабощения

человека с помощью денежной системы. Это частично основано на «повышенной степени анонимности» в немецкой культуре [Газизов, 2011: 38]. Тематика богатства имплицитно связана с такими табу-темами как бедность, голод, страдания.

Таким образом, можно сказать, что тематических табу в немецкой и американской лингвокультурах достаточно много, и они включают не только общекультурные тематики смерти или насилия, но и глубоко-национальные темы как иммигранты, нетолерантность, терроризм, личные доходы, национализм и расизм. Определенное влияние на наличие широкого спектра табуированных тематик оказало историческое прошлое этих стран. Отдельным фактором является также высокий уровень дистанцированности в немецкой культуре и осторожный, толерантный подход к теме как таковой, в то время как американская культура во многих аспектах является более открытой по отношению к табу.

1.4. Специфика юмористического жанра «стендап»

Непосредственно термин «stand-up comedy», описывающий стиль комического выступления, имеет американское происхождения. После первого появления термина в 1948 году, он стал использоваться в специализированной американской прессе в течение 1950-х годов [Double, 2017: 107]. Непосредственно корни жанра традиционно связывают с именем Марка Твена, выступавшего перед аудиторией со своими насмешливыми юмористическими монологами с 1866 по 1874 годы. [Lee, 2006: 3].

Более долгую версию истории этого жанра основывают на жанре «водевиль», который сначала был представлен в форме менестрель-шоу или варьете. Белые комики красили лица в черный цвет и выступали, говоря и напевая на диалектах чернокожих [Mintz, 1985]. В начале XX века водевиль был по-прежнему очень популярным жанром, но уже к 1930 году театры, где

он был представлен, стали закрываться, и артисты постепенно ушли на закрытые сцены, что дало начало классическому американскому стендапу.

По сравнению с историей стендап комедии в Америке и Великобритании, в Германии этот жанр очень молод. Он стал широко известен только с 1990-х годов. Такие комики как Отто Ваалкес и Хельга Шнайдер заразили энтузиазмом аудиторию, начав выступать с шоу и концертами. Несмотря на то, что стендап комедия долгое время искала свою нишу в Германии, телевидение укрепило растущий успех этого жанра, в частности с помощью таких шоу как «Quatsch Comedy Club» или «Nightwash» [Schwarz, 2010: 23]. Впоследствии стендап-комики начали набирать популярность и собирать огромные площадки. Например, немецкий комик Марио Барт в 2008 и 2011 годах выступал на стадионе, вместительностью в 70 000 человек [Lockyer, 2015: 588]. Это свидетельствует о популярности стендап жанра как такового.

Е.С. Михалькова в своей работе отмечает, что первым, кто попытался дать определение этому жанру был Лоренс Минц. Он подчеркнул следующие особенности данного жанра:

- Выступающий находится на сцене один;
- Во время выступления он не использует дополнительные средства создания комического эффекта: костюмы, декорации и т.п.;
- Достаточно прямое взаимодействие между комиком и аудиторией, а также важность поведения комика и построения юмористического диалога в процессе развития сюжета и ситуации;
- Необходимость учитывать социальный и культурный контекст [Михалькова, 2009: 101]. Е.В. Метельская также говорит о факторах наличия широкой аудитории, сниженной планки цензуры, эмоциональности и использованием обобщенных тематик [Метельская, 2012: 96].

Необходимо отметить и то, что традиционно это преимущественно «мужской» жанр. На сегодняшний день женщины выступают, но их не воспринимают так же, как комиков-мужчин, что ставит женщин в

определённые рамки и сужает выбор тем [Gilbert, 2004]. В связи с этим поднимается вопрос о сексизме в среде стендап комедии и объясняется популярность женщин-комиков преимущественно среди других женщин.

Таким образом, обычно стендап представляет собой односторонний разговор выступающего, с возможностью более обширного взаимодействия с аудиторией. Это взаимодействие не всегда положительно воспринимается комиком. Также обычно стендап пишется исполнителем и это достаточно важное условие, отличающее его от других видов комических выступлений [Wilson, 2008: 5].

Независимо от комедийной сцены, динамика между выступающим и аудиторией крайне важна для понимания выступления. В то время как комедиант, будучи на сцене, является главным, аудитория может как поддержать его, так и отвергнуть. Зрители могут с помощью своей интерпретации и вовлеченности сформировать новое значение сказанного, и это значение может отличаться от того, что намеревался донести до аудитории говорящий [Antoine, 2015: 39]. Структурные роли, предназначенные для комиков и зрителей, отличаются и находятся в несбалансированном состоянии. Во-первых, стендап-комикам разрешается управлять разговором, видами шуток, и даже указывать моменты, в которые аудитория могла бы дать собственные ответы. Во-вторых, стендап выступление изменяет «инферентные шаблоны», принятые как комиками, так и зрителями. Другими словами, жанр стендап выступления определяет, как именно стендап-комики построят свой перформанс, а также на то, как аудитория будет интерпретировать шутки [Filani, 2015: 47]. А.И. Зверев также говорит о сложности стилистической характеристики стендапа, так как с одной стороны он выступает своеобразным шутком, говоря зачастую нелепые вещи как шут, а с другой стороны он не нуждается в «атрибутике скоморошества», ведет себя достаточно невозмутимо, вкладывая весь юмор в произносимый монолог [Зверев, 2015: 189].

Существенное дополнение в определение жанра внес Роберт Стеббинз, который указал, что «Verbal content is the essence of stand-up comedy» [Stebbins, 1995: 5; цит. по Михалькова, 2009: 101]. То есть центром выступления являются сами шутки, представленные комиком. Невербальные средства играют менее значительную роль, хотя зачастую используются как дополнительные средства воздействия на публику.

Еще одна особенность этого жанра заключается в том, что исполнитель практически всегда выступает в роли социального комментатора. Как правило, выступления формируются из шуток не только на вечные темы, но и на актуальные именно на тот момент, и которые, так или иначе, взволновали общество. Интересен тот факт, что чаще всего мнение комиков по острому вопросу представляет собой оппозицию по отношению к мнению общепринятому или официальному. Это отражает социальную природу жанра: зрители не готовы открыто выражать мнение, отличное от принятого, но охотно с ним соглашаются, когда оно высказано другим человеком и в комической форме.

«Ключевую роль в корректном восприятии и понимании юмора играет манера передачи» [Чурсинова, 2014: 34], по этой причине в жанре стендапа существует различные базовые приемы, которые помогают комику преподнести тот или иной материал так, чтобы максимально эффективно воздействовать на зрителя. Здесь следует отметить, что разные комики часто используют определённые приемы при написании и презентации материала потому, что они формируют индивидуальный юмористический стиль, узнаваемый зрителем.

Одним из основных приемов создания комического эффекта в стендапе является хезитация. Хезитация, то есть пауза в речи, может быть как незаполненной, так и заполненной. Незаполненная пауза хезитации это непосредственный перерыв в речи. Заполненная пауза представляет собой добавление вокализации, затяжки звуков, слов-паразитов, метатекстовых комментариев по отношению к адресату или самому себе, обеспечивающих

непрерывный контакт с собеседником. Паузы заполняют также с помощью повторов, «невербальных пауз колебания» (смех, вздох, откашливание и т.п.), самопрерывания, куда входят «рестарты – повторные начала», и «фальстарты – неудачные начала»; а также используя незаконченные высказывания [Белицкая, 2014]. Чаще всего хезитация используется при выступлении для того, чтобы зритель имел возможность «додумать» окончание шутки, а также для создания эффекта обманутого ожидания.

Эффект обманутого ожидания — это «способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определенных элементах сообщения, посредством нарушения предсказуемости» [Барсукова, 2014: 134]. Иначе говоря, этот прием основывается на том, что нарушается линейности речи, где каждый элемент подготавливает последующий [Шмелева, 2009]. Зачастую эффект достигается с помощью активизации определенных рамок, которые присутствуют в сознании зрителя, и последующим добавлением неожиданного элемента. Суть эффекта обманутого ожидания основана на таких понятиях как «вероятностная модель языка» и «субъективный прогноз» речевой деятельности [Шабанова, Глазачева, 2012: 191]. Таким приемом часто пользуется комик Джеффри Джесельник. Например, в шутке «I killed a squirrel once with a car. Twice with a tennis racket» он нарушает возникшее в сознании зрителей ожидание последствий его действий с помощью игры слов с количественными числительными «once» и «twice», и продолжения фразы, указывающей на убийство еще нескольких животных.

В стендапе, особенно в черном юморе, достаточно часто присутствуют различные каламбуры. «Каламбур – фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [Ахманова, 2007: 183]. Каламбуры имеют постоянные и переменные компоненты, где переменными являются фоновые и социально-локальные [Штырхунова, 2005]. Последние играют особую роль в жанре стендапа, так как формируют его национально-

культурные особенности. Активное использование данного приема в американском и немецком стендапе объясняется спецификой их языков. Многозначность лексических единиц позволяет создавать множество юмористических игровых прецедентов [Щирова, 2015: 844]. В силу специфики жанра стендапа, который является устным жанром, каламбуры построены на созвучии, то есть амфиоболии, что представляет собой «полное или частичное звуковое и/или графическое сходство морфологических средств языка» [Серета, 2012: 92]. Каламбур как стилистический прием особенно часто используется в коротких шутках-панчлайнах, состоящих из нескольких предложений.

Итак, стендап это сравнительно молодой юмористический жанр, зародившийся в Америке. Невозможно сказать, в какой именно момент времени стенд появился и какие корни он имеет, но на сегодняшний день это один из самых популярных юмористических жанров в Америке и Европе. Наиболее важная его составляющая – вербальная, что обусловлено спецификой жанра выступлений, однако значительную роль играют и невербальные средства. Такие основные приемы как паузы хезитации, эффект обманутого ожидания и каламбуры используются как в английском, так и в немецком языке и составляют собой основу выступления.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Феномен юмора и, в частности, черного юмора является неотъемлемой частью любой культуры и социума в целом. Несмотря на наличие множества теорий, всестороннего теоретического обоснования явления черного юмора не существует. Черный юмор как юмористическое явление является достаточно сложным и одним из наименее изученных феноменов смеховой культуры, об этом свидетельствует сравнительно небольшое количество работ, посвящённых данной проблематике, отсутствие общепринятого определения, а также наличие нюансных терминов. Исходя из сущности настоящего явления, можно объективно говорить о его тесной связи с таким культурно-языковым явлением как табу, так как спектр тематик, затрагиваемых в черном юморе достаточно широкий. Функции черного юмора в основном совпадают с функциями юмора в целом, но на передний план выходят защитная, высвобождающая и функция разрушения стереотипов. Зачастую в рамках определённой лингвокультуры или в процессе межкультурного взаимодействия комики затрагивают или даже нарушают запретное.

Явление табу представляет собой разного рода запреты, регулятивного и религиозного характера, которые относятся как к культурной, так и к психологической и языковой сфере. С точки зрения языка, это запрет на употребление определенных единиц, а с точки зрения коммуникации – умышленное избегание определённых тем, список которых культурно-детерминирован. Вследствие этого можно говорить о существовании проблемы разграничения табу как словесного и коммуникативного явления. Так как табу является неотъемлемым элементом культуры любого общества, на сегодняшний день представлены различные классификации табу по разным критериям.

В американской и немецкой культурах существует ряд общих табу. Они затрагивают темы смерти, насилия, отклонений сексуального,

физического и умственного характера. Однако существует и пласт культурно-узуальных табу, актуальных для каждой лингвокультуры. В Германии такими табу-темами являются национализм, иммиграция, нетолерантность, в Америке терроризм, личные доходы и дискриминация.

Освещение табу-тематик и нарушение табу достаточно часто происходит в жанре стендап. Этот вид комических выступлений появился в Америке сравнительно недавно, но является одним из самых популярных юмористических жанров в США и Европе, нередко благодаря возможности говорить о запретном, нарушать табу, высмеивать то, о чём, как правило, умалчивают.

ГЛАВА 2. ЧЕРНЫЙ ЮМОР В РАКУРСЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ

2.1. Detaбуирование в Американском стендапе

В ходе исследования, анализ практического материала показал, что явление черного юмора обладает определенным набором специфических особенностей в процессе detaбуирования, которые выражаются как в применении разных языковых и паралингвистических средств, так и в различной частотности их использования в английском и немецком языках. Поскольку материалом исследования послужили видеозаписи выступлений в жанре стендап американских и немецких комиков, то представляется целесообразным сначала обратиться к фрагментам различных выступлений на английском языке. Так, ниже представлен фрагмент комедийного концерта «Jesus is magic» (2005) Сары Сильверман:

«I don't wanna jewels. I'm not like... I don't really... I'm not into jewelry or anything. I'm such a hypocrite. There's a jewel that I think is ... I guess I'm such a jap. There is one jewel that I think is stunning. That I... It's just like a classic. By jap I mean Japanese. But it's a... It's just gorgeous... You know. And it's really... It's rare. You know, it's only found like on the tip of the tailbone of Ethiopian babies. They debone the babies. I know that sounds so bad when you say it out aloud. But no, if you saw it... So worth it. You know, it's like... How do I even describe it like a... like if a diamond had that newborn baby smell. I have a moral issue with it, obviously, cause they're treating the unions that debone the babies really bad» (Silverman, 2005).

Прежде всего, необходимо отметить большое количество вводных фраз, которые зачастую выступают в роли дискурсивных маркеров и сопровождаются продолжительными паузами хезитации, указывая одновременно на наличие табуированной тематики и желание комика привлечь к ней внимание, призвать зрителя разделить основную идею высказывания. Так, например, вводная конструкция «you know» встречается в данном отрывке 4 раза («It's just gorgeous... You know», «You know, it's only

found... », «You know, it's like...»). Союзы «but», «and» и сравнение «like» служат для преодоления искусственно создаваемого комиком ощущения коммуникативного затруднения.

Детабуирование тематики детоубийства реализуется в высказывании «You know, it's only found like on the tip of the tailbone of Ethiopian babies», где комик использует прием абсурда, обозначая, что бриллиант может быть добыт исключительно от части копчика младенцев-эфиопов. Затем после паузы следует фраза: «they debone the babies», где применяется прямая номинация «debone». Ей предшествует большое количество эмоционально-окрашенных эпитетов, описывающих бриллиант: «gorgeous», «stunning», «classic», «rare», усиленных наречиями «just» и «really». Внимание зрителей к этому объекту также привлекается с помощью повторяющихся синтаксических конструкций («I'm not...», «There`s a jewel...», «There`s one jewel...», «It's just...»), а отношение говорящего передаётся с помощью конструкций «I think» и «I guess».

Говорящий использует множество репаратур (самокоррекций) и фальстартов, и всего в данном фрагменте в целом их насчитывается 8 («I'm not like...», «I don't really...», «I think is... I guess», «That I... It's just», «But it's a... It's just», «it's really... It`s», « it's like...», «like a... like if»), также к ним можно отнести критическую ремарку «I'm such a hypocrite». Комик отказывается от завершения фразы, намеренно нарушая причинно-следственную связь логического высказывания («And it's really... It`s rare», «But it's a... It's just gorgeous», «I'm not like... I don't really... I'm not into jewelry», «That I... It's just like a classic»). Наличие большого количества пауз, эллипса и других средств криптолалии (умолчания, тайноречия) говорит о высокой степени табуированности затрагиваемой тематики.

Теме детоубийства предшествует условно-табуированная тематика стереотипного представления о еврейской национальности. Она реализуется во фразах «I guess I'm in such a jar...By jar I mean Japanese» с помощью аббревиации и игры слов. Разговорный акроним J.A.P. («Jewish

American Princess»)), который имеет негативную коннотацию и обозначает «испорченную еврейскую девушку», созвучен сокращенному «jar» от прилагательного Japanese. Зрители знают об этническом происхождении комика, то есть обладают определенной пресуппозицией, и за счет нее образуется ассоциация, связывающая любовь выступающей к бриллиантам с испорченностью еврейской девушки. Шутка строится на разрушении возникшей ассоциации с помощью поясняющего комментария комика «By jar I mean Japanese», который реализует комический эффект.

Рассмотрим еще несколько отрывков из данного комедийного концерта: *«He has kids already. My boyfriend, he has kids. I mean they're like... He's got a boy and a girl, they're nine and eleven. And they're great. You know what, he actually made them those ages to commemorate 9/11, which I hate. You know, it has a lot more than a pun. I always think like I should get on it, if I wanna have kids. I just... You know, once you had thirty, you know you've got to decide fast, because it can be difficult to conceive, it can be dangerous. And the best time to have a baby is when you're black teenager»* (Silverman, 2005).

Автор начинает высказывание с использования личного местоимения в третьем лице, что привлекает внимание аудитории к фабуле шутки и придает речи оттенок доверительности по отношению к слушателю, поскольку далее следует уточняющее словосочетание «my boyfriend», относящее к личной сфере комика. После следует несколько предложений, включающих фальстарты («I mean they're like...», «I just...»), вводные конструкции и дискурсивные маркеры («you know», «I mean», «like», «actually», «always»), подчёркивающих определённую степень затруднения в речи выступающего. В первой части комический эффект реализуется во фразе «he actually made them those ages to commemorate 9/11». Применяя альтернативную форму пассивного залога в конструкции «he actually made them», усиленную дискурсивным маркером «actually», комик использует прием абсурда. Она утрирует ситуацию, говоря, что отец буквально «сделал» детей такого возраста, 9 и 11 лет, чтобы почтить память («to commemorate») погибших при

самом известном террористическом акте в Америке. Детабуирование тематики терроризма усиливается комментарием «which I hate», выражающим личное негативное отношение комика, а также последующим пояснением «it has a lot more than a pun». В последующих предложениях комик обращается к нейтральной тематике материнства, однако в финальном высказывании на нее наслаивается табуированная тема социального неблагополучия, в частности беременности среди афроамериканских подростков («And the best time to have a baby is when you're black teenager»). Шутка строится на приеме контраста, поскольку в предшествующем приложении автор говорит о возрасте 30 лет, и с помощью оценочных прилагательных с негативной семантикой «difficult» и «dangerous», а также параллельных конструкций «it can be», описывает сложность решения пополнения семья. Затем она нарушает данную логическую цепочку, используя эффект обманутого ожидания, поскольку после конструкции «the best time to have a baby» следует номинация «black teenager», которая и реализует комический эффект.

Подобный прием использован Сарой Сильверман в следующих отрывках: «*It was a tough year for me, I actually... It was the same year I suit my manager for sexual harassment which... I don't know, if you know anything about show business, but it's something that... You know, for a struggling actress to suit her manager out here in Hollywood, it's something that... It takes a lot of guts to do. You know... Especially because he didn't do anything*» (Silverman, 2005). Комик затрагивает табуированную тематику сексуальных домогательств по отношению к женщинам, сопровождая повествование большим количеством пауз хезитации и фальстартами («which... I don't know», «it's something that...», «you know») и часто апеллируя к аудитории с целью получения поддержки, воздействия на эмоциональное восприятие слушателей. Двукратное повторение конструкции «it's something that» совместно с комментарием «It takes a lot of guts to do», также усиливает впечатление коммуникативного затруднения комика в процессе раскрытия такой темы.

Непосредственно комический эффект наступает при соотнесении ситуации с сексуальными домогательствами с пояснением «especially because he didn't do anything», усиленным дискурсивным маркером «especially», поскольку все предыдущие высказывания комика ассоциировались у слушателей со сложностью процесса судебного разбирательства по такому обвинению в сфере шоу-бизнеса. Так, в так называемом панчлайне, то есть «the last part of a story or a joke that explains the meaning of what has happened previously or makes it funny» [Cambridge dictionary, 2018], происходит разрыв ожиданий аудитории, что вызывает смех.

Таким же образом реализован комический эффект при детабуировании тематики гомосексуализма в отрывке: «*She came out of the closet recently, my niece. Announced to the family that she is a lesbian. She is seven. Did I mention that? And I don't even know, if she knows what a lesbian is. But I support her completely. I'll tell you, it's heartbreaking. My sister punished her for it. Can you believe that? No pussy for a week*» (Silverman, 2005). Комик начинает высказывание с использования устойчивого выражения «come out of the closet», которое имеет значение «to tell your family, friends, or the public that you are gay, after previously keeping this secret» [Cambridge dictionary, 2018], далее сопровождая его комментарием о возрасте племянницы и риторическим уточняющим вопросом «Did I mention that?», который придает дополнительный комический эффект. Нарушение табу происходит с употреблением номинации «lesbian», что в данном контексте можно назвать прямой номинацией сексуальной ориентации, поскольку речь идет о 7-летнем ребенке, и одновременно с использованием приема синекдохи во фразе «No pussy for a week». Можно сказать, что здесь мы видим двойную эвфемизацию, которая, тем не менее, в итоге реализует табуированный смысл. Вульгарный эвфемизм «pussy», обозначающий женский интимный орган, используется комиком в качестве эвфемизма для обозначения акта секса. Особую степень детабуирования данное высказывание приобретает в связи с пресуппозицией зрителей, которые были ранее намерено

проинформированы комиком о возрасте ребенка. Таким образом, в данном фрагменте мы наблюдаем реализацию табу через наложение табуированных тематик (детская сексуальность, гомосексуализм, секс) в сочетании с вербальной инвективной лексикой, представленной лексемой «pussy».

В процессе реализации табуированных смыслов зачастую присутствуют отсылки к табуированным реалиям и ситуациям: «...*the whole idea of taking something terrible, something tragic and spin it up into something good. And, if American Airlines were smart, their slogan would be "American Airlines - first through the towers". Because it is something, in which they came first. Right? Right*» (Silverman, 2005). В данном фрагменте комик вытраивает шутку про терроризм следующим образом: первое предложение является так называемым «premise», то есть предпосылкой, которая строится на приеме контраста, где эпитеты с резко негативной семантикой «terrible» и «tragic» противопоставлены эпитету «good» и описывают существительное с неопределенной семантикой «something». Далее комик иллюстрирует это превращение хорошего в плохое с помощью конкретного примера с использованием атрибута прецедентной ситуации в виде названия авиакомпании «American Airlines», где происходит детабуирование тематики трагедии 9/11. В панчлайне комический эффект реализуется за счет приема эллипсиса в части с предлагаемым комиком слоганом «first through the towers», а также приема каламбура в следующей части шутки. Она начинается с дискурсивного маркера в виде подчинительного союза «because», и вводит причину, представленную в виде высказывания «it is something in which they came first», где особую роль играет предлог «in». В контексте косвенного упоминания момента столкновения самолета с башнями-близнецами через слоган данный предлог воспринимается зрителями в своем прямом пространственном значении. Это соотнесение смыслов и реализует табуированный денотат.

В большинстве комических высказываний с табуированными речесмыслами присутствует так называемая нейтральная фабула («He has

kids already. My boyfriend, he has kids», «It was a tough year for me», «...the whole idea of taking something terrible, something tragic and spin it up into something good» и т.п.), однако это не всегда соблюдается.

«Midgets. You know the politically correct word for 'midget' is 'little person'. Which just tickles me because it's like the only politically correct word that actually more insulting than the original one. Midgets don't like being called 'little people'. They much prefer 'Yes you are!' Thank you for laughing at that. I appreciate it. I always feel crappy when I do that joke. It gets such a good laugh» (Silverman, 2005).

В начале высказывания мы видим односоставное номинативное предложение, то есть именительный темы, представленный в виде инвективы «midgets». Данный прием используется комиком для привлечения внимания аудитории. Далее следует небольшое рассуждение комика о соотношении табуированной номинации «midget» и политически корректного «little people» и затем панчлайн, который строится на эффекте обманутого ожидания: после утверждения «Midgets don't like being called 'little people» идет продолжение в виде «They much prefer 'Yes you are!», которое и реализует комический эффект. Интересно отметить коммуникативный ход по окончанию панчлайна. После экспликации табуированного денотата следует несколько фраз, выражающих благодарность аудитории за смех. В связи с высокой степенью табуированности данной темы, комик отмечает, что чувствует себя крайне дискомфортно, что выражено в неформальном эпитете «crappy», однако одновременно отмечает, что реакция на данную штуку, как правило, положительная («It gets such a good laugh»).

Похожее строение имеет шутка «*Look at strippers, right? Strippers should be role models for little girls. Only for the fact that they wax their assholes. I don't have the guts. And I don't think a lot of you do either. You're excluded, sir» (Silverman, 2005).* Она не начинается с именительной темы, однако в ней используется императивное высказывание «look at strippers», смягченное дискурсивным маркером «right». Сама номинация «stripper» не считается

инвективной, однако может быть отнесена к условно-табуированным выражениям, поскольку имеет общепринятый синоним «exotic dancer». Комический прием, использованный далее в первой части панчлайна, это прием абсурда, поскольку в предложении «Strippers should be role models for little girls» наблюдается противоречие. Словосочетание «role model» обозначает «a person who someone admires and whose behaviour they try to copy» [Cambridge dictionary, 2018], что в сознании зрителя не может быть отнесено к представителям такой профессии как экзотические танцовщицы. Далее следует объяснение, которое усиливает абсурдность предложения выступающего «Only for the fact that they wax their assholes». Оно касается условно-табуированной тематики ухода за интимными частями тела, и преподносится комиком в виде своеобразного достижения как для нее самой («I don't have the guts»), так и для аудитории («And I don't think a lot of you do either»), что производит необходимый комический эффект. Финальная ремарка-обращение к одному из зрителей является косвенно оскорбительным замечанием, однако в контексте ситуации вызывает положительную реакцию.

В целом можно отметить, что детабуирование в коротких шутках, состоящих, как правило из короткой фабулы и панчлайна, строятся на эффекте обманутого ожидания, подразумевающего неожиданную развязку шутки. В этом случае табуированные речесмыслы могут быть частично реализованы непосредственно в фабуле шутки. Также зачастую наблюдается наложение табуированных тематик.

«When I was in high school I went out with my father's best friend and that's embarrassing, you know. My father having a fourteen year old best friend» (Silverman, 2005). Фабула шутки содержит неоднозначные смыслы для зрителя, которые считываются им при обработке фразового глагола «go out», который имеет значение «to have a romantic and usually sexual relationship with someone» [Cambridge dictionary, 2018] в связке с придаточным времени «when I was in high school» и дополнением «my father's best friend». Возраст, о

котором говорит комик, входит во временные рамки 14 – 18 лет, и романтические отношения с человеком, чей возраст значительно больше, порицаются обществом. Таким образом, данная тема в этом примере является имплицитным табу, что подтверждается личной оценкой ситуации комиком («that's embarrassing»). Однако непосредственно в панчлайне отражено, что эта личная оценка относится не к факту отношений между подростком и взрослым человеком, а к абсурдной ситуации, где отец выступающей якобы имеет дружеские отношения с другим подростком.

В другом примере, Энтони Джесельник говорит следующее: «*My great grandmother threw herself in front of a bus. The police tried to say she committed suicide but the family knew she was just trying to stop civil rights*» (Jeselnik, 2013). Завязка шутки раскрывает табуированную тематику суицида («*threw herself in front of a bus*»), особенно остро воспринимаемую в отношении близких членов семьи. Комический эффект реализуется в панчлайне, где тематика самоубийства в виде прямой номинации «suicide» связывается с имплицитно выраженным и нарушенным табу расовой дискриминации. Имея определённую культурную пресуппозицию, зритель делает вывод, что прабабушка комика придерживалась расистских взглядов, так как выразила протест против движения «civil rights», то есть против гражданских прав афроамериканцев. Первые протесты начались именно в общественном транспорте, где чернокожим было запрещено садиться на места, отведенные для белых, под угрозой штрафа, и эта социальная несправедливость подтолкнула людей к борьбе за свои права. Наличие в предложении конструкции с противительным союзом «but» реализует эффект обманутого ожидания, а дискурсивный маркер «just» в сочетании со спокойной, практически отсутствующей мимикой комика усиливает его подчеркнуто безразличное отношение этой к табу-теме.

У Джесельника также есть следующая шутка в этом выпуске: «*I don't know what I'd do if anything ever happened to my girlfriend. But first, I'd probably burn my clothes*» (Jeselnik, 2013). Она построена на двусмысленности

условного предложения «I don't know what I'd do if anything ever happened to my girlfriend», так как в придаточном «if anything ever happened to my girlfriend» заложен смысл, который изначально не связан с самим комиком, и интерпретируется аудиторией как выражение переживания за своего партнера. Однако этот смысл значительно трансформируется, когда зрители соотносят его с последующей фразой, которая вводится дискурсивным маркером «but first» и реализует табуированный речесмысл. Подразумевается, что фраза «I don't know what I'd do» относится к негативной ситуации, связанной с девушкой комика, виновником которой он не является, но вторая часть имплицитно говорит зрителю о том, что, скорее всего, он говорит об убийстве или другом тяжком вреде, хотя прямая номинация каких-либо действий за счет применения эллиптической конструкции отсутствует. Ассоциация возникает за счет пресуппозиции: аудитории известно, что преступник, как правило, сжигает одежду, чтобы избавиться от улик в виде крови и других биологических частиц и реализует коммуникативную обработку табуированных речесмыслов. Это шутка также относится к категории, где присутствует нейтральная фабула, а табу представлено в панчлайне без использования прямых номинаций.

Продолжая тему насилия, он говорит в другом выступлении: «*My roommate in LA used to punch his girlfriend in the stomach. I could never believe what a bitch she was*» (Jeselnik, 2015). Табу-тема жестокости по отношению к женщинам («punch his girlfriend») использована уже в фабуле как сюжетная часть всей шутки. Дополнительный эффект создается за счет использования глагола «used to», который имеет значение привычки, действия, часто повторявшегося в прошлом. Непосредственно юмористическим элементом является неожиданное заключение автора, который начинает фразу с конструкции «I could never believe», усиленной дискурсивным маркером «never». Вместо ожидаемого публикой осуждения нападавшего, который применяет насилие, Джесельник выражает негодование по отношению к жертве, которая экспрессивно названа обценной лексемой «bitch». Данная

инвектива относится к речевым табу в американской лингвокультуре, и в данном случае служит для демонстрации абсурдного отношения комика, являясь агрессивной, а не эксплетивной инвективой.

В еще одном концерте под названием «Caligula», Энтони Джесельник сообщает зрителям следующее: «*Yesterday I accidentally hit a little kid with my car. It wasn't serious... Nobody saw me*» (Jeselnik, 2013). Нейтральная фабула сопровождается маркером «accidentally», так как комик умышленно снимает с себя вину за произошедший инцидент, а нанесение физического вреда здоровью ребенку смягчается дополнительным замечанием в виде двусоставного предложения «It wasn't serious». После непродолжительной паузы хезитации выступающий заканчивает панчлайн, который производит шокирующий эффект на публику, но в тоже время вызывает смех, так как с его помощью комик нарушает логическую связь, показывая, что относит данное замечание к последствиям для себя и тем самым реализует табуированный речесмысл.

В выступлении на канале Comedy Central Энтони Джесельник шутит: «*Look at this... You've got a pimp, a murderer, a drug dealer, a pornographer... And then eight white people*» (Jeselnik, 2011). Здесь отражен этностереотип о высоком уровне криминализации среди афроамериканцев, поскольку некоторые считают, что они в большинстве своем ведут антиобщественный образ жизни. После привлечения внимания аудитории («Look at this»), комик использует ряд однородных дополнений, представленных прямыми номинациями табуированного характера и обозначающих людей, которые нарушают закон в различных сферах. После короткой паузы ряд дополнений нарушается введением с помощью соединительного дискурсивного маркера «and then» дополнения «eight white people». Так, с помощью провоцирующего противопоставления ряда преступников без обозначения их этнической принадлежности и обобщённой номинации «white people» реализуется прием эффекта обманутого ожидания и производится комический эффект. Комик вербально обозначает существующую

дискриминацию по отношению к афроамериканцам и касается культурно-визуальных стереотипов, существование которых зачастую отрицается, потому что в пределах американской культуры признать наличие подобных убеждений значит открыто признать собственную нетолерантность, что является строгим табу.

«It's so hard like... I feel about these jokes... Like... You know, like this woman came up to me last night, she was Mexican and... She was so irate, you know, she was so angry. And she came up to me and she said "You know, I'm Mexican and I don't stink". And it's just broke my heart. I had to explain to her like "You can't smell yourself"» (Silverman, 2005). Высказывание комика начинается с коммуникативного приема манипулятивного характера: с помощью избыточной паузации, оценочного эпитета «hard» и дискурсивных маркеров коммуникативного затруднения «like» и «you know» она в определенной степени подготавливает зрителя к реализации табуированного смысла. Фабула шутки занимает большую часть высказывания и включает в повествование прямую речь условной женщины мексиканской национальности, которая описывается комиком с помощью двух параллельных конструкций («she was»), усиленных частицей «so», и использованием приема тавтологии, поскольку эпитеты «angry» и «irate» имеют сходное значение, различаясь только степенью силы выражаемых эмоций. Таким образом комик акцентирует внимание зрителя на эмоциональном состоянии говорящей, которая обращается к комику с фразой «I'm Mexican and I don't stink», представляющей собой реализацию негативного этностереотипа о мексиканцах. Реакция комика на это высказывание в виде эмоционально-окрашенного «broke my heart» указывает зрителю на высокий уровень симпатии по отношению к женщине-мексиканке, воспринимается аудиторией как проявление понимания. В коротком ответе-панчлайне реализуется эффект обманутого ожидания, поскольку комиком нарушается логическая цепочка ожидаемой реакции. Все высказывание сопровождается неоднократным использованием различных

дискурсивных маркеров (в т.ч. маркеры «like», «you know», «and» повторяются в отрывке 11 раз), что контрастирует с панчлайном, где имплицитно представлена табуированная тематика.

В эпизоде шоу на канале «Comedy Time» комик-афроамериканец Ариес Спирс говорит следующее: «*We are all a little bit racist. White people, ya'all are the first people to denounce it. "I'm not racist. I'm incapable of being racist. My best friend is black... He's also my chauffeur, but he's my best friend"*» (Spears, 2007). Фабула шутки содержит провокационное обобщение, выраженное собирательным местоимением во множественном числе «we» с дополнением в виде условно-табуированной номинативной единицы «racist». Необходимо отметить обращение комика к зрителям «white people», также сопровождаемое обобщением «you all», что вне данного контекста воспринимается как определенное проявление расизма, поскольку идентифицировать людей по цвету кожи при обращении в американской лингвокультуре не принято. В высказывании присутствует бинарная оппозиция «свой – чужой», потому что в данном обращении есть импликатура противопоставления «белой культуры» и культуры афроамериканцев. Данная импликатура говорящего подчёркивается использованием глагола «denounce», который имеет значение «to criticize something or someone strongly and publicly» [Cambridge dictionary, 2018]. Далее выступающий изображает представителя европеоидной расы с помощью изменения фонационных средств, в частности произносит реплику «I'm not racist» ускоряя темп речи и повышая тональность, чем привлекает внимание аудитории и усиливает иронический подтекст. Конструкцией «incapable of being racist» с использованием категоричного эпитета «incapable» подчеркивается, что пародируемый условный человек считает себя свободным от любых расовых предубеждений. Во фразе «My best friend is black...He's also my chauffeur, but he's my best friend» комик использует паузу хезитации и прием метатекстового комментария. Данный комментарий не разрушает структурно-семантическую целостность высказывания, однако

вся основная информация, сказанная комиком ранее, противопоставляется короткому примечанию с дискурсивным маркером дополнения «also», что порождает комический эффект. Метатекстовый комментарий о том, что друг является подчиненным по отношению к условному говорящему, что особо выделяется комиком при выборе профессиональной принадлежности «chauffeur», поскольку она обозначает «someone whose job is to drive a car for a rich or important person». Использование данной лексемы не только указывает на низкое социальное положение афроамериканца, но и отображает негативную доминацию европейцев, что дополнительно актуализирует табуированный смысл.

Сара Сильверман раскрывает тематику расизма следующим образом: «...*I used to go out with a guy who was half black. Who totally broke up with me. Cause I'm a fucking loser. I've just heard myself saying that... I'm such a pessimist. It was the worst attitude. He's a half white. And he totally broke up with me*» (Silverman, 2005). Первая часть высказывания комика содержит определительное придаточное «guy who was half black», которое концентрирует внимание зрителя на этническом аспекте описываемой ситуации, и, после паузы хезитации, комик использует еще одно придаточное, которое формирует пресуппозицию у зрителя. Далее, при введении причины маркером «cause» комик использует самоуничижительную номинацию «loser» усиленную инвективным эпитетом «fucking», и сопровождая ее комментарием «I've just heard myself saying that», с рядом негативных оценочных конструкций («such a pessimist», «the worst attitude»). После непродолжительной паузы хезитации следует короткий панчлайн, где смысловые акценты рассуждения смещаются, таким образом реализуя табуированную тематику расизма. Лексема «half black» приобретает негативную коннотацию и противопоставляется лексеме half white», что служит созданию комического эффекта в данном контексте.

Обращаясь к другой теме, в первом эпизоде своего комедийного шоу Эндрю Джесельник говорит следующее: «*North Korea pissed off the entire*

world last week by testing another nuclear bomb. This brings North Korea one step closer to a full scale nuclear bomb, that we will drop on North Korea» (Jeselnik, 2013). В первой части шутки комик упоминает новость о том, что Северная Корея протестировала бомбу, сопровождая описание бомбы эпитетом «another», который в сочетании с такой условно-табуированной номинацией как «nuclear bomb» позволяет комику придать дополнительный эффект раздраженности, который в большей степени реализуется с помощью фразового глагола негативной семантики «pissed off». Выдерживая паузу, комик, не изменяя фонационных средств, добавляет следующую часть высказывания. Употребление топонима «North Korea» в пассивном залоге, а также эпитета «full scale» в отношении номинации «nuclear bomb» направлено на умаление значимости действий Кореи по сравнению с возможным ответом США. Так, происходит детабуирование условно-табуированной тематики атомной бомбардировки, которая сопряжена с тематиками смерти и войны, а также с тематикой агрессивной внешней политики Америки и конфликтов на международной арене, спровоцированной Соединенными Штатами.

Карлоса Менсия, американский комик мексиканского происхождения, в шестом эпизоде своего шоу «Mind of Mencía» также упоминает ядерные бомбардировки, именно те, которые были произведены США в городах Хиросима и Нагасаки, а также затрагивает ряд других табуированных тематик. С помощью ряда паралингвистических средств он имитирует диалог между самим Карлосом и представителем арабской культуры, который активно поддерживает идею терроризма и угрожает им Америке: *«He goes "My people are looking for an atomic bomb and when we get it, we might just use it". Oh, you're looking for an atomic bomb and you might use it? Look at me, you dumb, ignorant piece of shit. My people do have those bombs that you seek. And guess what bitch, we already used them. Twice. And if you don't believe me, call Japan. They'll connect you with a man with three penises and five balls. That's how we play the game, baby! We dropped two bombs on Nagasaki and Hiroshima,*

and the name of the plane that delivered the weapons was the Enola Gay. Do you know why? Because we wanted them to know that they were about to get boned in the ass» (Mencia, 2006).

Табуированные тематики, нарушаемые эксплицитно в данном фрагменте, это война и ядерные бомбардировки, в то время как имплицитно затронуты такие табу как дискриминирующая стереотипизация представителей арабской культуры и сексуальные отношения гомосексуального характера. Реплику «My people are looking for an atomic bomb and when we get it we might just use it», принадлежащую условному представителю восточной культуры, комик передает с помощью ряда пародийных паралингвистических средств, необходимых для повышения экспрессивности речи и дополнительного воздействия на публику. В данном контексте это воспринимается как сознательное нивелирование другой национальности и их культуры. Использование глагола «look for» в настоящем продолжительном времени и модального глагола «might» в сочетании с глаголом широкой семантики «use» позволяет достаточно однозначно интерпретировать высказывание как угрозу. В ответе на данную реплику выступающий повторяет лексические средства в риторическом вопросе «Oh, you're looking for an atomic bomb and you might use it?», что сопровождается вздохом, выражающим скепсис и усиливающим иронический подтекст высказывания. Затем комик обращается к гипотетическому собеседнику с вербальной инвективой, представленной в виде однородных негативно-коннотированных эпитетов «dumb» и «ignorant», относящихся к составному подлежащему «piece of shit». Таким образом демонстрируется презрение и агрессия по отношению к представителю данной культуры.

В следующем высказывании комик делает эмфатическое ударение на обобщающем словосочетании с притяжательным местоимением «my people» в предложении «My people do have those bombs that you seek», вербально обозначая свою принадлежность к определённому коллективу, в частности к

американскому обществу, и формируя бинарную оппозицию «свой – чужой». Номинация во множественном числе «bombs» с указательным местоимением используется вместе с глаголом формального регистра «seek», который имеет значение «to try to find or get something» [Cambridge dictionary, 2018], то есть указывает на определенную тщетность усилий по поиску этого вооружения. В следующей реплике «And guess what bitch, we already used them. Twice» используется агрессивная инвектива «bitch», обобщающее местоимение во множественном числе «we» и прием парцелляции, осуществляемой в речи с помощью паузации. С его помощью комик акцентирует внимание в высказывании на наречном числительном «twice», определяющем глагол «used». Одобрительное оценочное восклицание «That's how we play the game, baby!» содержит обращение нейтрального характера, которое в данном контексте приобретает уничижительную импликацию и сопровождается аплодисментами зрителей. Последующий панчлайн строится на приеме каламбура: сходстве фонетического звучания прецедентного названия бомбардировщика «the Enola Gay», который скинул первые в мире ядерные бомбы, при произнесении его в достаточном быстром темпе, с табуированными лексемами «anal gay». Таким образом, с помощью фонетической аллюзии имплицитно нарушается еще одно табу, потому что затрагивается тема секса и сексуальных меньшинств.

Обращаясь к теме религии, Карлос Менсия шутит: «*By the way, what do eggs have to do with Jesus Christ? I understand Christmas. Three Wise Men show up with gifts. "I love you", symbolism, "I love you, here's a gift", symbolism, I get that. How did the egg thing happen? Did somebody walk up to somebody else and "Hey, did you hear? Jesus rose from the dead! Ah! Hide the eggs! Hide the eggs! We gotta trick Jesus. Paint the eggs pink or purple. Put them in the park! Trick Jesus! Tell everybody to spread the word, from now eggs come from rabbits"*» (Mencia, 2006). Данный монолог посвящен условно-табуированной тематике религии, а точнее необоснованности некоторых религиозных обычаев. В качестве примера автор использует американскую пасхальную традицию

красить и прятать яйца. Автор использует прием гипофоры, начиная монолог с вопроса «What do eggs have to do with Jesus Christ?», который сопровождается небольшой паузой хезитации. Он усиливает степень сомнения в логичной связи этих явлений с помощью глагольной конструкции неформального регистра «have to do with», которая имеет значение «to be related to something or a cause of something but not in a way that you know about or understand exactly» [Cambridge dictionary, 2018]. При дальнейшем описании библейского сюжета о появления волхвов с дарами («Three Wise Men show up with gifts»), используется неформальный фразовый глагол «show up», что придает комичности описываемой ситуации. Понимание прямой соотнесенности традиции дарить подарки на рождество и этого сюжета («I get that») комик подчеркивает с помощью двукратного повторения конструкции с параллельными элементами «I love you» и «symbolism». После этого Мендос обращается к аудитории с риторическим вопросом «How did the egg thing happen?», выдерживает паузу, и с помощью ряда фонационных паралингвистических средств изображает диалог двух людей. Необходимо отметить, что говорящий сознательно нивелирует ценность описываемого религиозного обычая, используя в вопросе номинацию «egg thing» вместо предполагаемой номинации «tradition».

В изображаемом комиком диалоге один человек обращается к другому с вопросом «Hey, did you hear? Jesus rose from the dead», и комик, изображая реакцию собеседника, захватывает воздух так, будто собирается выразить удивление и восхищение, и неожиданно для аудитории восклицает «Hide the eggs!». Лексический повтор этого побуждения эмоционально-возбужденным тоном значительно усиливает эффект абсурдности происходящего, придает достаточно саркастичный оттенок всему высказыванию. Комическая ультимативность выражается в многократном использовании глаголов в форме повелительного наклонения («trick», «paint», «tell», «put»), а пика абсурдности ситуация достигает в финальном высказывании «Tell everybody to spread the word, from now eggs come from rabbits». Конструкция «Tell

everybody to spread the word», которая зачастую используется именно в религиозном дискурсе как призыв распространить информацию, создает комичный контраст с абсурдным продолжением в виде «eggs come from rabbits». Можно увидеть, что комик не использует в своем монологе прямых средств детабуирования, однако анализируя выбор лексических и стилистических средств, а также использованных комических приемов в сочетании с затрагиваемой тематикой, можно говорить о реализации табуированных смыслов в рамках данного отрывка.

Таким образом, процессу детабуирования в американском стендапе характерно следующее: наличие значительного количества инвектив, пауз хезитации и репаратур, а также дискурсивных маркеров, сигнализирующих о наличии табу. Комики зачастую используют метатекстовые комментарии, наряду с эллиптическими конструкциями. Также в американском стендапе типична экспликация табу в финальной части шутки, то есть панчлайне, при этом выражение табуированных смыслов не всегда осуществляется с помощью прямых номинаций.

2.2. Детабуирование в Немецком стендапе

Практический материал на немецком языке представлен фрагментам различных выступлений и концертов стендап комиков в период с 2010 по 2017 год. Обратимся к фрагменту выступления Оливера Полака в рамках стендап шоу «Nightwash live» с представленным нами переводом на русский язык (Polak, 2014):

<p>Aber ich bin oft horny... Ich bin sehr oft horny, das Problem ist nur wenn man horny ist, aber man hat niemanden mit dem man horny sein kann. Du weißt wovon ich spreche, Luke. Das ist... Als hattest du so eine Softeismaschine,</p>	<p>А я часто возбуждаюсь... Я очень часто возбуждаюсь, но проблема в том, что я -то возбуждаюсь, а рядом нет никого, кто мог бы удовлетворить моё возбуждение. Ты знаешь, о чем я говорю, Люк. Это... Словно</p>
---	--

<p>aber nirgendwo ist ein Hörnchen. Du hast eine AK-47 - nirgendwo ist eine Schule.</p> <p>Ich komme vom Land, da war das einfach, wenn man allein horny war und die Tiere verstehen das noch nicht so... Okay, das nehme ich jetzt wirklich zurück. Sie verstehen das schon, sie können es aber niemandem erzählen. «What happens in the Stall, stays in the Stall».</p>	<p>у тебя есть мороженица, но нет вафельных рожков, как- будто у тебя есть автомат АК-47, но нигде поблизости не школы.</p> <p>Я родом из деревни, а там все было просто. Если ты один, и ты возбужден, а животные ничего не понимают, то... Хорошо, беру свои слова обратно, животные, конечно, понимают, но рассказать-то ничего не могут. «Что случается в хлеву, остается в хлеву».</p>
---	---

Вульгарный англоязычный эпитет «horny», повторяющийся в высказывании 4 раза, имеет немецкий эквивалент (geil, rallig), однако говорящий намеренно использует заимствование из определённого дискурсивного пространства и выдерживает паузу хезитации, создавая отсылку к табуированной тематике проявления сексуальности. При этом во всем отрывке присутствуют только 3 паузы («...horny... Ich», «Früher... Ich komme...», «nicht so... Okay») и один фальстарт («Das ist... Als...»), что свидетельствует об относительно низком уровне коммуникативного затруднения в процессе детабуирования. Также реализуется типичная для жанра стендапа интеракция с залом («Du weißt wovon ich spreche, Luke», «Sie verstehen das schon, sie können es aber niemandem erzählen»), направленная на уменьшение дистанции между комиком и зрителями.

В первой части фрагмента применяются эллиптические предложения, используются параллельные сравнительные конструкции («Als hattest du... aber nirgendwo...», «Du hast... nirgendwo...»). Сексуальная одержимость сопоставляется с насилием, идеологической одержимостью. Комик избегает прямой номинации «school shooting», но использует наименование модели автомата АК-47. Прямая номинация оружия направлена на выстраивание негативного ассоциативного ряда, связанного со стрельбой в школе.

Во второй части происходит наложение табуированных смыслов: к условно-табуированной тематике проявления сексуальности добавляется

строго-табуированная тема зоофилии. Комик смягчает высказывание комментарием «Okay, das nehme ich jetzt wirklich zurück», маркирующим высокую степень табуированности. Комический эффект реализуется в последней фразе за счет аллюзивной отсылки к прецедентному высказыванию «What happens in Vegas, stays in Vegas». Слоган американской комедии «What happens in Vegas» первоначально использовался в сфере туризма и развлечений, эвфемистично вуалируя неприличные, постыдные действия или ситуации, о которых не принято распространяться. Импликатура этого высказывания усиливается заменой топонима «Vegas» на существительное «Stall», что актуализирует подтекст сообщения и усиливает комический эффект.

В другом фрагменте выступления Полак также использует отсылку и говорит следующее (Polak, 2014):

<p>Treten jemand manchmal Clowns aus? Nein? Weil die Clowns machen mir auch Angst. Und wenn man es flüstert, macht er noch mehr Angst. Clowns... Wenn man es geflüstert, machen sie mehr Angst zu: "Ich sehe tote Menschen". Wenn man es normal machen wurde, wäre es nur so: "Ich sehe tote Menschen, willkommen im ZDF Fernsehgarten".</p>	<p>Кто-нибудь когда-нибудь убегал от клоунов? Да? Я вот их тоже боюсь. Становится особенно страшно, когда ты произносишь это шёпотом: «Клоуны...». Когда человек говорит шёпотом, это звучит еще более жутко: «Я вижу мёртвых людей». А когда человек говорит это в полный голос, это звучит абсолютно нормально: «Я вижу мёртвых людей, добро пожаловать на телевидение ZDF».</p>
--	--

Фабула шутки является нейтральной и косвенно связана с панчлайном. Высказывание комик начинает с вопроса, обращенного к аудитории, с неопределенным местоимением «jemand», который выполняет контактоустанавливающую функцию. Отрицательная частица «nein» формирует условную интеракцию между выступающим и слушателями, позволяя последнему перейти к самой фабуле. В придаточном причины, введенным подчинительным союзом «weil», используется частица «auch», которая создает определённую степень доверительности. Именительный

темы в следующем высказывании представлен в виде существительного во множественном числе «Clowns», которое произносится комиком с изменением фонационных средств, поскольку слово произносится шепотом, после чего следует пауза. Далее следует объяснение использования шепота с помощью примера «Ich sehe tote Menschen», где глагол «sehen» употребляется в настоящем времени, что призвано создать атмосферу мистики, вызывать у аудитории легкое ощущение страха. Также используется эпитет с отрицательной семантикой «tote», атрибутирующий дополнение «Menschen». Следующее условное предложение вводится повторением конструкции предыдущего высказывания («wenn man es») с использованием эпитета «normal» и усиливается наречием «nur», что создает комический контраст между смыслом высказывания про мертвых людей и положительной семантикой прилагательного. Панчлайн включает прием лексической анафоры («Ich sehe tote Menschen»), которая дополняется аллюзивной отсылкой к реалии немецкого общества. «ZDF Fernsehgarten», это цикл развлекательных немецких телешоу, основными телезрителями которого являются люди пожилого возраста. Так, комик проводит параллель между возрастом зрителей и номинацией «tote Menschen», что порождает комический эффект.

В еще одном фрагменте комик обращается к другим табуированным тематикам, в частности, к одной из самых острых – дискриминации по национальному признаку (Polak, 2014):

<p>Ich... Ich fickte grade die Zigeunerin. "Zigeunerin" darf man gar nicht mehr sagen, oder? Sinti, oder? Scheißegal. Ich fickte grade die Zigeunerin und... Das ist, was mich immer irritiert bei ihr... Ich weiß nie, ob es Petting ist oder tastet sie mich nur auf meine Wertsachen ab.</p>	<p>Я... Я сейчас трахал цыганку. Нельзя больше говорить слово «цыганка», да? Синти, да? Плевать. Я сейчас трахал цыганку и... Знаете, что меня в ней раздражало? Я не понимал, был ли это петтинг, или она просто искала у меня ценные вещи.</p>
---	--

Первое высказывание содержит две агрессивные вербальные инвективы: вульгаризм «ficken» и идентифицирующую национальную

принадлежность инвективу «Zigeunerin». Использование модального глагола «darf» с отрицательной частицей, усиленного дискурсивным маркером «gar» в условно-этикетном высказывании «darf man gar nicht mehr sagen» указывает на наличие коммуникативного табу. Отношение к данному запрету комик выражает через грубое разговорное наречие «Scheißegal». В целом, можно говорить об использовании композиционно-стилистического приема отступления, поскольку далее комик с помощью лексического повтора возвращается к первому высказыванию «Ich fickt grade Zigeunerin» и продолжает его с помощью дискурсивного маркера «und». Глаголом негативной семантики «irritieren», который относится к местоимению «ihr» и усиливается наречием «immer», комик обозначает недовольство условной девушкой-цыганкой. Панчлайн представлен в виде сложноподчиненного предложения с придаточным, где использована заимствованная из английского номинация сексуальной сферы «petting» и глагола «abtasten», которые в данном контексте реализуют комический эффект. Шутка строится на уничижительном стереотипе о том, что цыгане воруют, и процесс интимных ласк сравнивается с процессом ощупывания тела в поисках вещей. Таким образом нарушается табуированный смысл сразу двух сфер, детерминированных культурно-узуальными табу. В отрывке также присутствует две паузы хезитации, что свидетельствует о некотором коммуникативном затруднении при реализации тем.

Следующий фрагмент иллюстрирует детабуирование при помощи паралингвистических средств (Polak, 2014):

<p>Ich bin auch einsam, weil alle meine Freunde jetzt Babys kriegen. Ja, alle kriegen Kinder und sie haben plötzlich keine Zeit mehr für mich. Ja, das ist falsch. Und... und wenn du dann mal jemanden besuchst, ja, so ein Freund hatten die Kinder ins Bett gebracht und denkst du "Okay, kann so ein bisschen mit dem</p>	<p>Мне теперь тоже одиноко, потому что у всех моих друзей появились дети. Да, у всех теперь дети, и абсолютно у всех нет времени на меня. Да, так не должно быть. И... И когда ты приходишь в гости к другу, когда он уже уложил детей в кровать, ты думаешь: «Окей, теперь мы сможем с ним</p>
---	---

<p>abhängen", holte erst mal Handy raus und zeigt diese 25 Minuten Babyfotos. Ich habe jetzt einen Weg gefunden, wie man das umgehen kann. Für euch ist auch einen Tipp: nächste Mal wenn Freund Babyfotos zeigen will, beginnen einfach relativ laut am Anfang zu atmen "Oh, kannst du noch zurück scrollen? ".</p>	<p>немного поболтать», как тут друг достаёт свой телефон и начинает 25 минут подряд показывать детские фото. Сейчас я уже нашёл способ этого избежать. Вот вам совет: когда ваш друг хочет показать вам детские фото, начните относительно громко дышать, приговаривая: «О-о-о, ты не мог бы снова пролистнуть назад?».</p>
--	---

Фабула шутки строится по принципу повествования с вкраплением несобственно-прямой речи в виде реплики «Okay, kann so ein bisschen mit dem abhängen» с опущенным подлежащим и сказуемым сложного глагольного типа, представленным модальным глаголом «kann» в связке с смысловым разговорным глаголом в инфинитиве «abhängen». В первой реплике комик использует эпитет «einsam», дополненный дискурсивным маркером «auch», что позволяет создать определенную пресуппозицию между аудиторией и им самим. В придаточном причины используется просторечный глагол «kriegen» с дополнением в виде существительного во множественном числе «Babys» и обобщающим местоимением «alle». В следующем высказывании присутствует лексический повтор, усиленный утвердительной частицей «Ja» и оценочным эпитетом негативной семантики «falsch». Далее следует объяснение ситуации с позиции комика и сообщение о том, как можно решить возникшую проблему («wie man das umgehen kann»). Вводная конструкция «Für euch ist auch einen Tipp» содержит инверсию и привлекает внимание публики к последующей реплике. Гипотетическая ситуация сопровождается модальным глаголом желания «wollen» в третьем лице, несколькими наречными дискурсивными маркерами («einfach», «relativ»), а также смысловым глаголом «atmen», после чего выступающий с демонстративно громким придыханием произносит просьбу «Oh, kannst du noch zurück scrollen?». Так комик изображает человека, испытывающего возбуждение при виде детских фото, что является признаком педофилии и ряда других сексуальных отклонений. Изображению

сопутствуют такие невербальные сигналы как неоднозначная улыбка, гримаса, имитирующая сексуальное возбуждение, намеренное понижение тембра голоса. Таким образом, не используя никаких номинаций или конструкций, относящихся к данной теме, комик, тем не менее, успешно реализует табуированный денотат в своей речи и добивается комического эффекта.

Некоторые выступления сопровождаются большим количеством интеракций со зрителями, как, например, выступление Макси Гштеттенбаера «YouPorn nervt Maxi Gstettenbauer» в рамках шоу «Nightwash live» (Gstettenbauer, 2015):

<p>Hier ist was, was mich an YouPorn nervt. Ja, königliche Überleitung, ich weiß. Das Ding ist... Also, "YouPorn" ist ein Begriff hier. Ich weiß nicht warum ich dich angucke, ha-ha. Er hier vorn ja-ja, ja-ja, wir haben am Morgen gesessen, zu Hause, bei seiner Pfeife.</p> <p>Ich kenne mich mit YouPorn aus, vorzügliches Material, fantastisch zur Studium, historisch gesehen, natürlich, fantastisch. Die gute, alte.. Die guten alten Pornos aus dem 18 Jahrhundert, diese Perücken, ich liebe es... Sorry, ha-ha. Du gehst auf YouPorn und unter jedem Video auf YouPorn ist ein Facebook Button, damit es mit deinen Freunden auf Facebook... Ja, ja, ja, wer? Wer? Wer? Wer sitzt da... Wer sitzt irgendwie da und denkt "Ja, es könnte Gunter gefallen, interessant. Hier, Gunter, ja, gut-gut, das ich dich erwische, ja, Gunter, ich habe gut, weil ich habe gerade frei. Ich habe wieder einen vorzüglichen Porno für dich entdecke. Ne, brauchst du nicht googeln, ich habe schon auf Facebook für dich gepostet</p>	<p>Вот, что бесит меня на YouPorn. Да, просто королевский переход к следующей теме, я знаю. Дело в том, что... В общем, здесь «YouPorn» – это ключевое понятие. Я не знаю, почему я на тебя смотрю, ха-ха. Он здесь впереди, да-да, да-да, мы сидели у него дома утром, покуривая трубку.</p> <p>Я хорошо знаком с YouPorn, отличный материал, фантастический для изучения, конечно, с исторической точки зрения. Старое доброе... Старое доброе порно из 18 века, эти парики, так люблю это...Извините, ха-ха. Вы заходите на YouPorn, и под каждым видео есть кнопка Facebook, чтобы поделиться с друзьями на Facebook. Да-да-да, кто? Кто? Кто? Кто сидит там...Кто сидит там и думает: «Да, это могло бы понравиться Гюнтеру, интересно. Слушай, Гюнтер, да, хорошо-хорошо, что я тебя поймал, да, Гюнтер, я в порядке, сейчас как раз свободен. Я снова нашёл для тебя отличное порно. Нет, тебе</p>
--	---

und deine Frau schon auch "gefällt mir" geklickt.. Chao!".	не надо гуглить, я уже запостил его для тебя на Facebook, и твоя жена уже даже лайкнула его! Чао!».
--	---

Интересно отметить, что уже в фабуле шутки присутствует номинация, которая реализует табуированную тематику. Она представлена в виде имени собственного «YouPorn», являющимся названием известного сайта с порнографическим содержанием. Комик использует прием метатекстового комментария с утвердительной частицей во фразе «Ja, königliche Überleitung, ich weiß», чтобы акцентировать внимание зрителя на новой теме, а также вводную конструкцию «Das Ding ist...», что свидетельствует о наличии некоторых затруднений при реализации тематики. С помощью вводного дискурсивного маркера «Also» и номинации «Begriff», комик эксплицитно обозначает, что табуированный денотат в виде номинации «YouPorn» будет играть в последующем высказывании доминирующую роль. Далее комик применяет коммуникативный прием переключения внимания, создавая интеракцию с одним из зрителей, используя косвенное обращение «Er hier vorn», сопровождаемое четырехкратным повторением частицы «ja» и комментарием «wir haben am Morgen gegessen» с двумя однородными обстоятельствами места и действия.

В последующей реплике «Ich kenne mich mit YouPorn aus» с рядом эмоционально-оценочных эпитетов с положительной окраской «vorzügliches», «fantastisch», усиленных наречием «natürlich», сайт комично приравнивается к учебному материалу исторического характера. Следом звучит прямая номинация «Pornos» с эпитетом «guten», выражающими положительное отношение выступающего к данному явлению. Поскольку в немецкой культуре неприято открыто говорить на публику о каких-либо нестандартных предпочтениях в сексуальной сфере, комик сопровождает высказывание смешком и этикетной формой извинения, представленной в виде англоязычного заимствования «sorry». В предшествующей панчлайну части, выступающий использует прием умолчания («damit es mit deinen

Freunden auf Facebook...»), где выпускается семантически предполагаемый публикой глагол «teilen», что реализует комический эффект. Абсурдность предположения о том, что кто-то захочет поделиться в социальных сетях столь личными вещами обыгрывается далее комиком с помощью эмоционального повтора вопросительного слова «wer», сопровождаемого утвердительной частицей «ja», и эмфатическим дублированием конструкции «wer sitzt da». В завершающей части шутки комик прибегает к приему абсурда, гиперболизируя ситуацию. Это осуществляется с использованием тактики имитированного диалога, что несколько театрализует происходящее на сцене.

Среди немецких комиков также частотно реализация тем дискриминации различных групп. В частности, представляют интерес фрагменты из выступления «Über Randgruppen lachen? Darf er das? Chris Tall bei TV total » (Tall, 2015):

<p>Es gibt so Menschen, die werden einfach nicht glücklich, die rennen so durch die Stadt... So..."Oh, es ist alles Scheiße! Und ich will nicht! Und nee! Darf er nicht, darf er nicht. Ich will das nicht!". Das sind meistens so Frauen, ah... "Darf er das?" Ja, okay! Frauen, ich weiß, 'Frau' ist wahrscheinlich politisch nicht ganz korrekt. Also das sind meistens Menschen mit Menstruationshintergrund.</p>	<p>Есть такие люди, которые просто несчастны, они бегают по городу такие: «Ох, это просто полное дерьмо! И я не хочу! Никогда! Он не имеет права, он не имеет права! Я этого не хочу!» В основном, это женщины, ах... «Имеет ли он право?» Да, хорошо! Женщины, я знаю, «женщина», на самом деле, не совсем политически корректно. Так что, в основном это люди с менструальными особенностями.</p>
---	---

В фабуле шутки используется безличная конструкция с широкой семантикой «es gibt» и дискурсивный маркер «so», которые атрибутируют существительное во множественном числе «Menschen». Она сопровождается двумя однородными дополнениями, где в описательной конструкции «die werden einfach nicht glücklich» комик избегает эпитетов с негативной семантической окраской, заменяя их на сочетание положительного эпитета «glücklich» с отрицательной частицей «nicht». Повторяя дискурсивный

маркер «so», выступающий вводит несколько высказываний-эксclamаций, имитирующих прямую речь, используя инвективу «Scheiße» и обобщающее местоимение «alles». Каждое последующее восклицание содержит отрицательную частицу «nicht», в одном случае замененное разговорным отрицанием «nee», а также категоричный модальный глагол «wollen» и модальный глагол запрета «dürfen». Изменение фонационных средств в процессе произнесения этих фраз, а также прием парцелляции, усиливают иронический подтекст.

В панчлайне выступающий использует прием перифразы и языковой игры, и, таким образом, через ложный эвфемизм, представленный в виде словосочетания со сложным составным существительным «Menschen mit Menstruationshintergrund», реализует табуированный речесмысл. Языковая игра проявляется в том, что комик модифицирует эвфемизм «Person mit Migrationshintergrund», который используется в немецком языке для описания иммигрантов, заменяя часть составного существительного на прямую номинацию «Menstruation». Прием лексического изменения структуры данного эвфемизма про приезжих разрушает стереотип речевого восприятия и порождает комический эффект. Комик подвергает ложной эвфемизации существительное «Frau», которое не требует табуирования, так создавая отсылку к модели поведения некоторых людей, в частности, женщин, которые стремятся ограничить окружающих в действиях и выражениях.

В двух нижеследующих фрагментах комик обращается к такой строго табуированной тематике в юморе как инвалидность (Tall, 2015):

<p>Keiner macht mehr Witze über Rollstuhlfahrer, warum nicht? Hey, ihr musst Witze machen über alle: über Behinderte, über Schwule, über Schwarze... Gut, nicht über schwule Schwarze, das wäre zu krass, ja?</p>	<p>Больше никто не шутит про инвалидов-колясочников. Почему нет? Эй, вы должны шутить про всё: про людей, с ограниченными возможностями, про геев, про чёрных...Ладно, про чёрных геев не</p>
---	---

<p><...> Ich hatte Rollstuhlfahrer im Publikum. Hey, ich mache die Witze über Rollstuhlfahrer. Das sind die, die am lautesten lachen. Die klatschen, die tramp... klatschen. Ich hatte neulich einen Rollstuhlfahrer in der ersten Reihe. Hat man die Beine nicht gesehen. So nun bisschen, wie bei dir... Hat er gesagt: "Oh, das machst du ganz toll! Darf ich auch Comedy machen?". Ich sag: "Natürlich! Warum nicht? Ich meine, das heißt 'Stand-Up', aber probiere es mal!"</p>	<p>надо, это было бы уже слишком жестко, да? <...> Среди моей публики был инвалид. Эй, я шучу про инвалидов. Они те, кто громче всего смеются. Кто хлопают, стучат ног... Хлопают. Недавно на моём выступлении был инвалид в первом ряду. Я не видел его ног. Совсем чуть-чуть, как у тебя... Он сказал: «Ой, ты так классно это делаешь! А можно и мне заниматься комедией?». Я сказал: «Конечно! Почему нет? Я понимаю, что это называется «Stand-Up», но попробовать всё равно стоит!»</p>
---	---

В обоих случаях фабула шутки содержит прямую номинацию «Rollstuhlfahrer», что производит несколько шокирующий эффект на публику, которая находится в коммуникативной ситуации, подразумевающей дальнейшее развитие высказывания в юмористическом ключе. В первом случае данная прямая номинация используется с отрицательным местоимением «keiner» и сопровождается риторическим вопросом «warum nicht?». Сокращая дистанцию, комик обращается к аудитории, используя местоимение множественного числа «ihr». Дискурсивным маркером, представленным в форме междометия, «hey» он акцентирует внимание аудитории на побуждении, выраженном составным модальным сказуемым «machen müssen». Далее следует ряд однородных подлежащих в форме множественного числа, где «Behinderte» принадлежит официальному регистру речи, номинация «Schwule» является разговорной, а «Schwarze» относится к пласту общеупотребительной лексики. В данном контексте они являются прямыми номинациями. В последующем панчлайне комик использует прием абсурда: говоря об необходимости шутить обо всех категориях людей, комик одновременно устанавливает тематическое ограничение («nicht über schwule Schwarze»), имплицитно затрагивая

тематику расизма. В риторическом вопросе используется сослагательное наклонение в форме Konjunktiv II, сопровождаемое утверждением «ja», а также эмоционально-оценочный эпитет «krass» с усилительной частицей «zu».

Во-втором фрагменте тематика инвалидности реализуется без соприкосновения с другими табу, однако структурно отрывок является более насыщенным, так как содержит в себе не один, а несколько панчлайнов, что отражено с помощью кольцевой композиции. Первый панчлайн реализован после короткой повествовательной фабулы «Ich hatte Rollstuhlfahrer im Publikum» с повторным использованием прямой номинации, а также интеракции со зрителями. Утверждение о том, что он шутит на такую тему, комик сопровождает пояснением причины, представленным в виде сложноподчинённого предложения с определительным придаточным «die am lautesten lachen».

Непосредственно панчлайн строится на приеме парцелляции, поскольку комик намеренно расчленяет высказывание на два интонационно самостоятельных отрезка, а также использовании репаратуры с целью создания комического эффекта. Выступающий во время описания положительной реакции зрителей с инвалидностью обрывает произнесение глагола «trampeln», который обозначает «fest mehrmals mit den Füßen auf den Boden treten» [Duden, 2018], то есть не может быть атрибутирован к инвалидам в силу их физического состояния. После этого комик возвращается к фабуле шутки, дополняет ее наречием времени «neulich» и производит замену лексемы «Publikum» на более конкретизированный описательный оборот «in der ersten Reihe». Фабула также сопровождается комментарием и короткой интеракцией с одним из зрителей («wie bei dir»). Далее используется прием имитированного диалога, где второй панчлайн заключен в ответной реплике комика на вопрос «darf ich auch Comedy machen?». Ответ содержит каламбур: прилагательное «stand-up» обозначает «related to a type of performance in which someone stands in front of a group of

people and tells jokes», что подразумевает определенное положение комика во время выступления на сцене, то есть стоя, что невозможно для человека с ограниченными возможностями. Противительный союз «aber» вводит побудительную конструкцию «probiere es mal», что усиливает комический эффект.

Аналогичное построение имеет следующая шутка из выступления Талля (Tall, 2015):

<p>Ich hatte neulich auch ein Schwarzen im Publikum sitzen. Ich dachte zuerst, da sitzt nur ein weißer Pullover. Hey, ich hab wirklich ganz höflich nachgefragt: "Hey, sag mal, ist das Baumwolle? Nee, guck mal. Finden jetzt viele hart". "Ja, wer pflückt, der darf auch tragen!".</p>	<p>Недавно на моём выступлении присутствовал черный. Я сначала подумал, что там сидел просто белый пуловер. Эй! Я очень вежливо осведомился: «Эй, скажи мне, это хлопок?» Не, смотри. Его сейчас тяжело найти». «Да, кто его собирает, тому можно его и носить!»</p>
---	--

В фабуле шутки комик повторяет ранее использованную конструкцию «Ich hatte neulich... im Publikum sitzen», добавляя разговорную лексему «Schwarzen», и сопровождая ее комментарием в виде сложноподчинённого предложения с наречиями времени «zuerst» и ограничения «nur». Импликатура высказывания частично реализует табуированный речесмысл, поскольку в немецкой лингвокультуре считается неприемлемым описывать цвет кожи собеседника и как-либо акцентировать на этом внимание. На нарушении данного табу строится дальнейший панчлайн. В последующем высказывании «ich hab wirklich ganz höflich nachgefragt» комик подчеркивает с помощью эпитета «höflich», усиленного экспрессивными наречиями «wirklich» и «ganz», что не намеревался задеть достоинство собеседника. Обращение к нему происходит в неформальной форме, с использованием конструкций в повелительном наклонении «sag mal» и «guck mal», а также эллипсиса в части «finden jetzt viele hart».

Ответ условного собеседника комика, в котором происходит экспликация табуированного денотата, порождает комический эффект. Смысл высказывания дешифруется аудиторией с помощью общекультурной

пресуппозиции: известно, что раньше сбором хлопка занимались именно афроамериканцы, а носили его европейцы. В высказывании используется клишированная конструкция с вопросительным местоимением «wer...der», а также модальный глагол разрешения в третьем лице «darf».

Другой фрагмент выступления Крис Талль также строит с использованием приема имитированного диалога, затрагивая такую табу-тематику как гомосексуальность (Tall, 2015):

<p>Ich habe einen Kollegen, ich kenne ihn seit der Grundschule. Und da hat er sich letztens geoutet, aber der war schon fertig, keine Scheiße. Und er kommt so: "Pst, ich muss sowas sagen, Schnipp", und ich so: "Was?", und er: "Ich bin Schwul", und ich: "Nein! Leck mich am Arsch! Nei-nei-nein, nicht so!".</p>	<p>У меня есть коллега, я его со школы знаю. И он недавно совершил каминг-аут, но в общем-то в он был уже готов, без дерьма. И он подходит такой: «П-с, мне нужно кое-что сказать, щелк». И я такой: «Что?», и он: «Я гей», и я такой: «Нет! Поцелуй меня в задницу! Не-не-нет, не так прямо!».</p>
---	---

Повествовательная фабула состоит из двух высказываний, разделённых паузой. В них используются лексема «Kollegen», временные отсылки («seit der Grundschule», «letztens»), несколько соединительных дискурсивных маркеров и глагол «outen», перешедший в немецкий из английского языка в редуцированной форме («to come out»), сохранив значение признания нетрадиционной ориентации перед общественностью. Также присутствует экспрессивная инвектива «Scheiße» с отрицательной частицей «keine», которая в данном контексте служит для воздействия на аудиторию с целью формирования доверия к словам выступающего, так как имеет семантику «говорить честно, серьезно». Вкупе это дает аудитории общее представление о ситуации перед переходом к имитированному диалогу.

Имитированный диалог состоит из нескольких реплик с соединительным дискурсивным маркером «und», где они чередуются с применением лексического повтора («und er...», «und ich...»). Для изображения собеседника комик использует ряд паралингвистических средств, включающий изменение интонации и тембра голоса, манерную жестикуляцию и соответствующую ей мимику. Такое изменение несколько

театрализирует выступление комика, вызывая определенный стереотипный ряд в сознании зрителя, так как является частью представлений многих о поведении гомосексуалистов и их манере вести разговор. Условная интрига перед утверждением с прямой номинацией «Schwul» реализуется с помощью употребления неопределённо-личного местоимения в разговорной форме «sowas» и привлекающих внимание междометий «Pst» и «Schnipp». Панчлайн в финальной фразе строится за счет языковой игры в эмоциональном вульгарном восклицании «Leck mich am Arsch», которое, несмотря на происхождение от названия музыкального произведения Моцарта, сегодня часто используется в разговорной речи как выражение удивления. Комизм использования данной фразы заключен в ее прямом значении, которое в контексте общения с гомосексуалистом выходит на первый план и интерпретируется как просьба или приказ. Таким образом, с помощью многократного повтора отрицания «nein» и маркера «so» комик актуализирует этот подтекст и вызывает смех аудитории.

В еще одном фрагменте комик акцентирует внимание на такой табуированной тематике как психофизические недостатки окружающих людей (Tall, 2015):

<p>Ich war neulich in der Bahn, saß mir ein Stotterer gegenüber, der hat ein Kreuzworträtsel gemacht. Ich wusste gar nicht, dass er stottert, weil er flüssig schreiben könnte. Und nach einer halben Stunde fragt er mich so: "Wa-Wa-Wa...". Ich sag: "Wa-Wa-Wa-Was?". "Ja, wa-wa-wa...". Ich sag: "Wa-Wa-Wa... Was? Komm zu Potte, Alter!". Dann sagt er: «Wa-wa-wie... Wie-wie...schreibt man...Re-Re-Recycling?" Ich sag: "Wie man spricht!".</p>	<p>Недавно я ехал в поезде, напротив меня сидел заика, который отгадывал кроссворд. Я не знал, что он заикается, потому что он мог свободно писать. Через полчаса он меня спросил: «Ч-ч-ч...». Я говорю: «Ч-ч-ч-что?». «Да, ч-ч-ч...». Я говорю: «Ч-ч-ч-что? Давай, старик!». На что он сказал: «К-к-к-как...Как-как пишется... «Пе-пе-переработка?». Я сказал: «Как и говорится!».</p>
---	---

Структурно данный отрывок схож с предыдущими: повествовательная фабула имеет кольцевую композицию, сопровождается комментарием, а

далее следует имитированный диалог, однако в этом фрагменте используются многократные лексические повторы, усиливающий комический эффект. Рассказывая аудитории о встрече в поезде с человеком, который заикается, комик имплицитно апеллирует к негативной стереотипизации таких людей. Данная особенность противопоставляется умению писать в подчинительном придаточном с модальным глаголом («flüssig schreiben könnte»). Удивление комика тем, что заикающийся может свободно писать выражается в использовании вводной конструкции «Ich wusste gar nicht» с отрицанием, усилительным частицей «gar». Далее следует имитированный диалог, где пародируется манера речи собеседника, а также изображается реакция комика. Разговорная идиома «zu Potte kommen» в повелительном наклонении, а также вульгарное обращение «Alter» призваны отразить раздражение комика в отношении заикающегося, неспособного быстрее задать вопрос. Таким образом, с помощью вербальных и невербальных средств, комик реализует такую табуированную тематику как физические и психические отклонения.

Отличную структуру шуток использует комик Нико Семсротт (Semsrott, 2012):

<p>Hallo, ich bin Nico, 23 Jahre alt und ich komme aus Versehen. Ich werde häufiger gefragt warum ich immer nur über Depressionen rede. Ganz einfach, weil man sich an dem Thema ganz gut aufhängen kann.</p>	<p>Привет, меня зовут Нико, мне 23, и я получился по ошибке. Меня все чаще спрашивают, почему я постоянно говорю только о депрессии. Все просто, потому что эту тему можно легко подвесить.</p>
---	---

В данном отрывке выступающий пользуется стратегией самопрезентации, представляя себя с помощью так называемого приема самоуничижительного юмора («ich komme aus Versehen»). Это «a pragmatic type of humour which occurs when a speaker directs brickbats at him/herself» [Dyner, 2009; цит. по Filani, 2015: 51] и использование данного типа юмора коррелирует с последующей тематикой высказывания, в частности темой депрессий, поскольку такой вид юмора зачастую связывается с

психологическими проблемами в виде депрессивных расстройств, низкой самооценки, излишней подчиненности окружающим и др. [Greengross, Miller, 2008: 404]. Наличие подобной проблемы у себя комик подчеркивает с помощью наречий частотности «immer» и ограничения «nur», относящихся к дополнению «Depressionen». Непосредственно панчлайн представлен после паузы хезитации непереводаемой на русский язык игрой слов с глаголом «aufhängen», основное значение которого «auf eine entsprechende Vorrichtung hängen» [Duden, 2018], что является также одним из способов суицида.

Комик достаточно часто в своих выступлениях прибегает к подобным непереводаемым каламбурам. Например, в другой шутке-панчлайне «Wisst ihr wie oft "Liebe" im Grundgesetz steht? Einmal, im Wort "Kriegshinterbliebenen"» («Знаете, как часто встречается слово «любовь» в конституции? Один раз, в слове «Kriegshinterbliebenen», «члены семьи убитого на войне»). В данном случае эта игра слов реализует эффект обманутого ожидания, так как публика вероятно имеет позитивные ассоциации с лексемой «Liebe», и упоминание номинации с негативной семантикой, представленной в виде сложного составного существительного во множественном числе «Kriegshinterbliebenen» нарушает цепочку ожиданий, создавая комический эффект.

В следующем фрагменте комик также касается табуированной тематики смерти, однако затрагивает другой ее аспект (Semsrott, 2012):

In meiner Heimatstadt gibt es bei Beerdigungen den Brauch, dass die Witwen Blumenstrauß hinter sich wirft, der, der den Strauß fangt, stirbt als Nächstes.	В моем родном городе есть такой обычай на похоронах, когда вдова бросает букет себе за спину и тот, кто букет поймал умирает следующим.
--	---

Необходимо отметить, что отношение к тематике смерти в немецкой лингвокультуре более открытое, чем в американской, однако обсуждение каких-либо обрядов, связанных с погребением тела и похоронами считается неприемлемым. Табуированный смысл усиливается употреблением прямых

номинаций, представленных в виде существительных во множественном числе «Beerdigungen» и «Witwen», а также глагола «sterben». Абсурдность шутки заключается в сравнении обряд похорон со свадьбой, так как описанная комиком традиция имеет место быть только во время церемонии бракосочетания.

Таким образом, процесс дегабуирования в жанре немецкого стендапа имеет ряд специфических черт, среди которых можно выделить несколько основных. К ним относятся: сравнительно небольшое количество инвектив, использование прямых номинаций, которые могут быть представлены в виде заимствований, активное применение тактики имитированного диалога, метатекстовых комментариев, параллельных и эллиптических конструкций. Структурно в шутках табуированный речесмысл чаще представлен в фабуле, чем в финальной ее части.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ практического материала позволил выявить ряд закономерностей и различий актуализации черного юмора в немецкоязычном и англоязычном стендапе.

При обращении к табу комики зачастую апеллируют к определённым элементам как собственной лингвокультуры, так и мировой. В частности, используют аллюзивные отсылки к прецедентным высказываниям или

именам. Вследствие этого, для полноценной интерпретации смыслов требуется наличие определенной пресуппозиции. Использование этих приемов направлено на усиление подтекста шуток и делает табуированные смыслы более яркими для восприятия.

Зачастую происходит наслаивание табуированных тематик, которые в пределах одного высказывания подвергаются детабуированию одновременно. Также можно говорить о таком явлении как квазитабу, когда тематика, не являющаяся табуированной в общем смысле, является табуированной в рамках черного юмора, так как пересекается с другими табуированными темами. Необходимо отметить, что экспликация табуированного смысла в рамках черного юмора не подразумевает обязательное использование прямых номинаций. Их отсутствие компенсируется приемом умолчания, эллиптическими конструкциями, другими средствами криптолалии для реализации комического эффекта. Так комик стремится шокировать публику, привлечь её внимание.

Были выделены несколько тенденций, доминирующих при реализации табу в рамках стендап-выступлений американских и немецких комиков:

– Как правило, детабуирование в американском стендапе происходит в финальной части шутки, так называемом панчлайне, в то время как для немецкого стендапа более характерна частичная или полная экспликация табуированных смыслов в фабуле шутки.

– В американском стендапе наиболее часто встречаются паузы хезитации, а также различные дискурсивные маркеры, указывающие на наличие табуированной тематики, что не так актуально для немецкоязычных выступлений, где комики чаще используют тактику имитированного диалога, прием парцелляции и параллельные конструкции. Использование приема метатекстового комментария свойственно как немецкому, так и американскому стендапу.

– Для немецкого стендапа не характерно активное использование инвектив, однако наблюдается большее количество прямых номинаций, по

сравнению с американским вариантом, где инвективы, напротив, достаточно часто сопровождают экспликацию табуированных смыслов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе изучен теоретический материал, посвященный феномену черного юмора, рассмотрены подходы к его определению разными исследователями, а также основные функции и спектр тематик, затрагиваемых в данном виде юмора. Также охарактеризовано явление табу в языковом и культурном измерениях; проанализированы классификации табу, составленные по разным критериям. В работе рассмотрен процесс разрушения табу, детабуирования, который впервые проанализирован в

рамках черного юмора на материале комических выступлений в жанре стендап; выявлены языковые особенности детабуирования в жанре стендап. В ходе изучения теоретического материала и анализа языкового материала, представленного в виде выступлений американских и немецких комиков, мы пришли к следующим выводам и результатам.

К актуальным коммуникативным табу на сегодняшний день в американской и немецкой лингвокультурах можно отнести:

Таблица 1. Актуальные табу

Американская лингвокультура	Немецкая лингвокультура
Дискриминация по половому/расовому признаку	Война и ее последствия, комплекс вины
Табу сферы сексуальных отношений (полигамия, нестандартные формы секса, мастурбация и порнография)	Проявление агрессии (в т.ч. сексуальной) в отношении женщин, детей, пожилых людей, животных
Социальные проблемы внутри страны	Антисемитизм, расизм, национализм, сексизм
Тематики смерти и старения	Суицид, сопряженные тематики похоронных ритуалов
Табу женского тела (физический акт родов, менопауза, обсуждение половых органов)	Душевные и физические болезни, физические отклонения
Терроризм и его последствия, исламофобия	Иммигранты и их влияние на немецкое общество
Проявление насилия (жестокое обращение с детьми, пожилыми, животными, конфликты с применением физического насилия)	Сексуальные девиации разного рода (некрофилия, зоофилия, педофилия, различные фетиши)
Религиозные тематики	Тематики бесплодия и абортов
Наркотическая и алкогольная зависимость	Криминализация общества (подростковая жестокость, организованная преступность)

Необходимо отметить, что в немецкой и американской культурах сферы табу, безусловно, пересекаются, однако зачастую во внимание принимаются разные аспекты одного и того же явления. К примеру, тема

смерти среди немцев является достаточно частым объектом для шуток, но такое явление как суицид, которое зачастую сопряжено с обрядом похорон, с тематикой душевных и физических болезней, подвергается достаточно строгому табуированию в немецком обществе. При этом американцы более остро воспринимают тематику смерти как таковую, в особенности процесс старения, который ассоциируется со старческими болезнями (деменция, болезни Альцгеймера и Паркинсона, психозы и т.п.), а также с социальным аспектом одиночества пожилых и отношением к ним в современном обществе. В обеих культурах болезни, особенно неизлечимые, стигматизируют человека, но для немцев более табуированной сферой являются венерические заболевания, а для американцев – психические расстройства. Подобные аспектные разграничения встречаются в отношении практически каждой табу-тематики.

Выступления на английском языке характерно большее количество репаратур, фальстартов, более продолжительная паузация, а также обилие дискурсивных маркеров табуированных тематик и преобладание инвектив над прямыми номинациями. Для немецкого стендапа более типично использование прямых номинаций, параллелизмов, смягчающих стилистических средств, наличие эллиптических приёмов, заимствований, а также использование приема подмены понятий.

Среди перспектив настоящего исследования можно выделить изучение феномена черного юмора в аспекте детабуирования в рамках других юмористических жанров и других языков, и описание динамики табу в немецкой и американской лингвокультурах во временном аспекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Барсукова С.С. Приемы создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения // Научный журнал «Филология и человек». Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 134–138.
3. Белицкая А.А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2014. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения: 01.05.2018).

4. Бородай Ю.М. Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
5. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 141–150.
6. Вепрева И.Т. «Я ненавижу это слово», или о конфликте между словом и человеком // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы / под ред.: А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 43–62.
7. Газизов Р.А. Невербальные табу в немецкой лингвокультуре // Иностранные языки в высшей школе. Семантика единиц языка и текста в лингвокультурном аспекте. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2011. Вып. 2. С. 47–51.
8. Газизов Р.А. Тематические табу в речевом общении немцев // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012 / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Ф.Г.Фаткуллиной. Уфа: БашГУ, 2012. С. 141–145.
9. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 2. С. 282–298.
10. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М.: 1996. 214 с.
11. Евстафьева М.А. Тематическое поле черного юмора // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. Вып. 4. С. 24–31.
12. Жельвис В.И. Лингвокультурологический анализ англоязычных эвфемизмов смерти // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т.1. Вып. 4. С. 175–180.

13. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
14. Замерченко Н.А. Коммуникативные табу в немецкой и русской лингвокультурах // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: АНС СибАК. 2015. Вып. 49. С. 23–31.
15. Зверев А.И. Театральная лексика и терминология в политическом дискурсе (на материале русской и немецкой публицистики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 227 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. 435 с.
17. Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж, 2005. С.246–252.
18. Кебуладзе В. Феноменология черного юмора // Докса. Одесса, 2004. Вып. 5. С. 71–79.
19. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2005. 18 с.
20. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. Вып. 1. С. 28–49.
21. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 176 с.
22. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 24.00.04 М., 2000. 37 с.
23. Куницына О.М. Семиотические основы табуирования // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 15 (675). С. 105–112.

24. Лаврентьев А.И. «Черный юмор» в американском романе 1950 - 1970-х гг: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Ижевск, 2004. 13 с.
25. Лаврентьев А.И. "Черный юмор" и американский характер: учеб. пособие по спецкурсу. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. 290 с.
26. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
27. Мартин Р. Психология юмора / Пер. с англ. под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
28. Масленкова Н.А. (Не)культурный формат черного юмора [Электронный ресурс] // Studia Culturae: электрон. науч. журн. Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. С. 143–151. URL: goo.gl/PZzfdL (дата обращения: 14.01.2018).
29. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингво-культурах (на материале зоонимов английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2012. 236 с.
30. Михалькова Е.В. Прагматика и семантика инвективы в массмедийном дискурсе (на материале русских и американских комедийных телешоу): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2009. 207 с.
31. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Аффективные основания гелозоического механизма юмора как средство профилактики синдрома эмоционального выгорания [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. Вып. 4 (6). Ярославль, 2014. URL: goo.gl/icT3eZ (дата обращения: 12.01.2018).
32. Мусийчук М.В., Пуэнтес Р.В., Мусийчук С.В. Юмористические задачи как средство развития эмоционального

интеллекта // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. Т.2. Вып. 3. С. 56–61.

33. Назифовна Г. С. Тематические табу в английской лингвокультуре [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 154–158. URL: goo.gl/MuW3PZ (дата обращения: 05.12.2017).

34. Перфильева Е.Ф. Культурная сущность «черного» юмора и формы его проявления в западном киноискусстве: дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01. Барнаул, 2006. 140 с.

35. Попова Я.В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 20.02.19. Тамбов, 2014. 220 с.

36. Редкозубова О.С. Значение смеха в культуре [Электронный ресурс] // Аналитика культурологи: электрон. науч. журн. Вып. 12. Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 2008. С. 282–286. URL: goo.gl/dixGbp (дата обращения: 14.01.2018).

37. Рутер О.А. Проблема выделения и типологии языковых табу (на примере фольклорных поэм М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2007. 259 с.

38. Салимова Г.Н. К вопросу о классификации тематических табу в различных лингвокультурах // Научный альманах. Филологические науки. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». 2015. Вып. 12-3 (14). С. 407–411.

39. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 3-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

40. Середа П.В. Омонимия как средство создания комического эффекта в англоязычном юморе // Региональный научный журнал Культурная жизнь Юга России / под науч. ред. канд. филол. наук, проф. Чумаченко В.К. Вып. № 1 (44). Краснодар, 2012. С. 92—93.

41. Стернин И.А. Американское коммуникативное поведение: Научное издание // под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.
42. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.
43. Тульнова М.А. Табу в контексте глобализации // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ. 2010. Вып. 4 (34). С. 176–181.
44. Флеонова О.Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2003. 24 с.
45. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Издательство «Эксмо», 2009. 228 с.
46. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Т. 1. Пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА, 2001. 528 с.
47. Чурсинова М.А. Юмор как способ межкультурной коммуникации // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного университета / под науч. ред. А.В.Коричко. Вып. 11. Нижневартковск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 30–34.
48. Шабанова А.А., Глазачева Т.П. «Обманутое ожидание» как основа возникновения юмористического эффекта в англоязычных юмористических текстах // Симбирский научный вестник. Вып. 4 (10). Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2012. С. 188–191.
49. Шмелева Н.Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. 2009. Вып. 8 (27). С. 210—212. URL: goo.gl/NkHCcL (дата обращения: 22.04.2018).

50. Штырхунова Н.А. Лингвистическая игра слов (каламбур) в английском языке и в русском переводе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2005. 160 с.
51. Щирова Е.С. Лексический уровень как платформа для создания языковых шуток [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. Вып. 6. С. 843–846. URL: <https://moluch.ru/archive/86/15909/> (дата обращения: 13.05.2018).
52. Allan K., Burrige K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. New York: Cambridge University Press, 2006. 314 p.
53. Ameln F., Gerstmann R., Kramer J. Psychodrama. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 561 p.
54. Antoine K. “Pushing the Edge”: Challenging Racism and Sexism in American Stand-up Comedy [Электронный ресурс]: dis. ... PhD. University of California, 2015. URL: <http://escholarship.org/uc/item/5sx4b4tc> (дата обращения: 12.12.2017).
55. Apte M.L. Taboo Words // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 9. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 4512–4514.
56. Badura-Lotter G. Sexuell übertragbare Krankheiten. Die Bedeutung von Stigma und Tabu für die Versorgungsrealität [Электронный ресурс] // Der Urologe. 53 (4). 2014. P. 548–556. URL: goo.gl/djsDVN (дата обращения: 13.11.2017).
57. Berger R. Aging in America: Ageism and General Attitudes toward Growing Old and the Elderly [Электронный ресурс] // Open Journal of Social Sciences. 2017. Vol. 5 (8). P.183-198. URL: goo.gl/CQMM4v (дата обращения: 06.02.2018).
58. Bloom H. Bloom’s Literary Themes: Dark Humor. New York: Bloom’s Literary Criticism, 2010. 273 p.
59. Bucaria C. Taboo Comedy on Television: Issues and Themes [Электронный ресурс] // Taboo Comedy. Television and Controversial

Humour / ed. by Bucaria C., Barra L. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 1–18. URL: goo.gl/6aBGnj (дата обращения: 13.12.2017).

60. Burgi D., Radbruch L. Humor – heilsam oder zerstörend? Glossar zu Humor und seinen Spielarten [Электронный ресурс] // Leidfaden. Fachmagazin für Krisen, Leid und Trauer. 2013. 4. P. 26–30. URL: goo.gl/nzTfAE (дата обращения: 10.12.2017).

61. Burridge K. Euphemism with attitude: politically charged language change [Электронный ресурс] // Historical Linguistics, 1997: Selected papers from the 13th International Conference on Historical Linguistics, Dusseldorf, 10–17 August / ed. by Schmid M., Austin J., Stein D. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1997. (164). P. 57–76. URL: goo.gl/HwhV53 (дата обращения: 06.12.2017).

62. Chapple A., Ziebland S., Hawton K. Taboo and the different death? Perceptions of those bereaved by suicide or other traumatic death [Электронный ресурс] // Sociology of Health & Illness. 2015. Vol. 37(4). P. 610–625. URL: goo.gl/yqcSXh (дата обращения: 07.02.2018).

63. Chilcott K.B. Taboo humor and the Holocaust [Электронный ресурс]: dis. ... Master of Science. San Jose State University, 2001. 144 p. URL: goo.gl/g5GVwt (дата обращения: 08.12.2017).

64. Chrisle J.C. Teaching Taboo Topics: Menstruation, Menopause, and the Psychology of Women [Электронный ресурс] // SAGE Journals. Psychology of Women Quarterly. 2013. Vol. 37 (1). P. 128–132. URL: goo.gl/nWdNQY (дата обращения: 08.02.2018).

65. Corrigan R. Comedy, Meaning and Form. San Francisco: Chandler, 1965. 335 p.

66. Double O. The origin of the term ‘stand-up comedy’ // Comedy Studies. 2017. Vol. 8 (1). P. 106–109. URL: goo.gl/51zSqM (дата обращения: 21.02.2018).

67. Double O. The origin of the term 'stand-up comedy' [Электронный ресурс] // *Comedy Studies*. 2017. 8 (1). P. 106–109. URL: goo.gl/Pe8UCM (дата обращения: 12.12.2017).
68. Durkin K. *Death, Dying, and the Dead in Popular Culture* // *Handbook of Death & Dying*. Vol. 1 / ed. by Clifton D. Bryant. California: SAGE Publications, 2003. P. 43–49.
69. Elkins E. Excessive Stand-Up, the Culture Wars, and '90s TV [Электронный ресурс] // *Taboo Comedy. Television and Controversial Humour* / ed. by Bucaria C., Barra L. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 1–18. URL: goo.gl/6aBGnj (дата обращения: 14.12.2017).
70. Filani I. Discourse types in stand-up comedy performances: an example of Nigerian stand-up comedy [Электронный ресурс] // *European Journal of Humour Research*. 2015. 3 (1). P. 41–60. URL: goo.gl/vtajAD (дата обращения: 06.12.2017).
71. Freud S. *Totem and Taboo: resemblances between the psychic lives of savages and neurotics*. London: George Routledge&Sons, limited, 1960. 224 p.
72. Ganguin S., Sander U. *Sensation, Skurrilität und Tabus in den Medien*. Springer: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 159 p.
73. Gao Chunming. A Sociolinguistic Study of English Taboo Language [Электронный ресурс] // *Theory and Practice in Language Studies*. 2013. Vol. 3 (12). P. 2310–2314. URL: goo.gl/Krz7Sw (дата обращения: 09.02.2018).
74. Gilbert J.R. *Performing Marginality: Humor, Gender, and Cultural Critique*. Wayne State University Press, 2004. 234 p.
75. Greengross G., Miller G.F. Dissing Oneself versus Dissing Rivals: Effects of Status, Personality, and Sex on the Short-Term and Long-Term Attractiveness of Self-Deprecating and Other-Deprecating Humor [Электронный ресурс] // *Journal Evolutinary Psychology*, 2008. P. 393–408. URL: goo.gl/5UEeYK (дата обращения: 21.05.2018).

76. Hellenthal M. Schwarzer Humor: Theorie und Definition Taschenbuch. Essen: Die Blaue Eule, 1989. 80 p.
77. Herek G. Beyond “Homophobia”: Thinking about sexual prejudice and stigma in the twenty-first century // Journal of NSRC. Sexuality Research & Social Policy. 2004. Vol. 1. P. 6–24.
78. Holder B. Dictionary of Euphemisms. 4th edition. New York: Oxford University Press, 2008. 410 p.
79. Imogen T., Clements J. The taboo aesthetics of the birth scene [Электронный ресурс] // Feminist Review. 93. 2009. P. 134–137. URL: goo.gl/jeGdD6 (дата обращения: 10.12.2017).
80. Jay K., Jay T.B. A Child's Garden of Curses: A Gender, Historical, and Age-Related Evaluation of the Taboo Lexicon [Электронный ресурс] // The American Journal of Psychology. Illinois: University of Illinois Press, 2013. Vol. 126 (4). P. 459-475. URL: goo.gl/7MPSNZ (дата обращения: 09.02.2018).
81. Johnston-Robledo I., Chrisler J.C. The Menstrual Mark: Menstruation as Social Stigma [Электронный ресурс] // Springer Science+Business Media, LLC. Sex roles. 2011. Vol. 68 (1-2). P. 9–18. URL: goo.gl/3tcnAC (дата обращения: 07.02.2018).
82. Jones T., Norwood K.J. Aggressive Encounters & White Fragility: Deconstructing the Trope of the Angry Black Woman [Электронный ресурс] // Iowa Law Review. 2017. 102. P. 2017–2069. URL: goo.gl/ZkPEQ8 (дата обращения: 11.02.2018).
83. Landschek I. Das doppelte Tabu [Электронный ресурс] // Heilberufe. Das Pflegemagazin. Urban and Vogel Verlag, 2011. Vol. 3. URL: goo.gl/YcCqUY (дата обращения: 09.02.2018).
84. Lee J., Rice C. Welcome to America? International student perceptions of discrimination [Электронный ресурс] // The International

Journal of Higher Education Research. 2007. Vol. 53 (3). P. 381–409. URL: goo.gl/dXVWZa (дата обращения: 09.02.2018).

85. Leeming D., Madden K., Marlan S. Encyclopedia of Psychology and Religion [Электронный ресурс]. New York: Springer Science+Business Media, 2014. 1023 p. URL: goo.gl/P1dzHM (дата обращения: 11.12.2017).

86. Lehmann-Carli G. Empathie und Tabu(bruch) in Kultur, Literatur und Medizin / ed. by G. Lehmann-Carli, Preuss H. Berlin: Frank & Timme Verlag, 2013. 364 p.

87. Lockyer S. From comedy targets to comedy-makers: disability and comedy in live performance // Journal Disability & Society. 2015. 30 (9). P. 1397–1412.

88. Lovato K. Sex and Death in Modern America: Media as a Haven for Taboo Transgression [Электронный ресурс]: dis. ... Master of Science. Lakehead University, 2011. 142 p. URL: goo.gl/Y5fBv5 (дата обращения: 06.12.2017).

89. Maiwald J. Humor ist, wenn man trotzdem lacht - zur Bedeutung des Humors in der sozialen Arbeit. Hamburg: Diplomica Verlag GmbH, 2013. 85 p.

90. Manner B., Panagl O. Der Witz auf dem Prüfstand der Linguistik [Электронный ресурс] // Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung / ed. by Manner B., Panagl O. Wien: LIT Verlag, 2015. P. 25–41. URL: goo.gl/jbKaZh (дата обращения: 08.12.2017).

91. Morini M. Same-sex marriage and other moral taboos : cultural acceptances, change in American public opinion and the evidence from the opinion polls [Электронный ресурс] // European journal of American studies. 2017. Vol. 11 (3). URL: <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/50648> (дата обращения: 06.02.2018).

92. Sabri Q., Manceau D., Pras B. Taboo: An Underexplored Concept in Marketing [Электронный ресурс] // SAGE Journals. Recherche et

Applications en Marketing (English edition). 2010. Vol. 25 (1). P. 59–85. URL: goo.gl/KYssGp (дата обращения: 11.02.2018).

93. Schröder H. Tabu, interkulturelle Kommunikation und Fremdsprachen-unterricht. Überlegungen zur Relevanz der Tabuforschung für die Fremdsprachendidaktik [Электронный ресурс]. 1997. URL: goo.gl/LhM4TX (дата обращения: 18.02.2018).

94. Schwarz J. Linguistic Aspects of Verbal Humor in Stand-up Comedy [Электронный ресурс]: dis. ... PhD. Universität des Saarlouis, 2010. 464 p. URL: goo.gl/1GSqiY (дата обращения: 07.12.2017).

95. Shen F. Rape, money, and the psychology of taboo Language [Электронный ресурс] // Journal of Applied Social Psychology, 2013. Vol. 43 (5). P.1015-1028. URL: goo.gl/1T2EKM (дата обращения: 06.01.2018).

96. Sluka J. Terrorism and taboo: an anthropological perspective on political violence against civilians [Электронный ресурс] // Symposium: Critical Terrorism Studies: Foundations, Issues, Challenges. Journal Critical Studies on Terrorism, 2008. Vol. 1 (2). P. 167–183. URL: goo.gl/3YQL83 (дата обращения: 20.02.2018).

97. Smelik A. A close shave: The taboo on female body hair [Электронный ресурс] // Critical Studies in Fashion & Beauty. 2015. 6 (2). P. 233–251. URL: goo.gl/681QTC (дата обращения: 10.12.2017).

98. Thonnart M. American Muslims and Contemporary Nahahahalal Comedy [Электронный ресурс] // Islam and Christian–Muslim Relations. 2016. 27 (2). P. 133–151. URL: goo.gl/VGCLMZ (дата обращения: 05.02.2018).

99. Thorson J. A Funny Thing Happened on the Way to the Morgue: Some Thoughts on Humor and Death, and a Taxonomy of Humor Associated With Death // Death Studies. 1985. 9. P. 201–216.

100. Wagner H. Tabus im Journalismus. Unterlagen zum Vortrag // Tabus und Tabubrüche im Journalismus. Eine Materialsammlung. Berlin:

Journalisten-Weiterbildung an der Freien Universität Berlin, 1995. Vol. 46. 261 p.

101. Webster S. The History of the Curse: A Comparative Look at the Religious and Social Taboos of Menstruation And the Influence They Have on American Society Today [Электронный ресурс]: dis. ... Master of Science. The University of North Carolina at Charlotte, 2017. 49 p. URL: gradworks.umi.com/10/27/10274798.html (дата обращения: 13.12.2017).

102. Wildlitzki B., Huber M. Taboo language and swearing in eighteenth- and nineteenth-century English: A diachronic study based on the Old Bailey Corpus [Электронный ресурс] // Corpus linguistics on the move: Exploring and understanding English through corpora / ed. by Lopez-Couso M., Mendez-Naya B., Nunez-Pertejo P., Palacios-Martinez I. Leiden|Boston: Brill Rodopi. 2016. P. 313–326. URL: goo.gl/dz21De (дата обращения: 06.09.2017).

103. Wilson N. Was that supposed to be funny? a rhetorical analysis of politics, problems and contradictions in contemporary stand-up comedy [Электронный ресурс]: dis. ... PhD. University of Iowa, 2008. 181 p. URL: goo.gl/rESMQd (дата обращения: 09.09.2017).

104. Zeilinger D. George Taboris Holocaust-Theater: Witz und Grotteske in "Kannibalen", "Jubilaum" und "Mein Kampf". Hamburg: Diplomica Verlag GmbH, 2015. 116 p.

105. Zimbardo Z. Cultural Politics of Humor in (De)Normalizing Islamophobic Stereotypes [Электронный ресурс] // Islamophobia Studies Journal. 2014. 2 (1). P. 59–81. URL: goo.gl/wz71xm (дата обращения: 05.02.2018).

Список словарей и справочных материалов

106. Инвектива, сексуальная революция // Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. 3-е изд., исправл. Минск:

Книжный Дом, 2003. Стр. 420, 3180. URL: goo.gl/pWsjzF (дата обращения: 22.02.2018).

107. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/501b.html> (дата обращения: 18.02.2018).

108. Black humour // The Oxford Companion to English Literature [Электронный ресурс]. Oxford University Press, 2009. URL: goo.gl/cy3etw (дата обращения: 11.01.2018).

109. Black comedy // Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. HarperCollins Publishers, 2018. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 12.01.2018).

110. Gallows humor // Merriam-Webster Dictionary Online [Электронный ресурс]. Merriam-Webster, Incorporated, 2018. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 12.01.2018).

111. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. Oxford University Press, 2018. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 27.03.2018).

112. Taboo // Duden [Электронный ресурс]. Bibliographisches Institut GmbH, 2018. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 05.02.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Cross D. David Cross: Making America Great Again! 2016 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: goo.gl/MtfXg8 (дата обращения: 18.04.2018).

2. Gstettenbauer M. YouPorn nervt Maxi Gstettenbauer - Nightwash live, 2015 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: goo.gl/quRjr4 (дата обращения: 25.05.2018).
3. Jeselnik A. Anthony Jeselnik: Caligula, 2013 [Электронный ресурс] // MoviehdKH. URL: <https://www.moviehdkh.com/movies/anthony-jeselnik-caligula-2013-tv-special> (дата обращения: 18.04.2018).
4. Jeselnik A. Anthony Jeselnik: Thoughts and Prayers, 2015 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JZW74vHQp_g (дата обращения: 16.04.2018).
5. Jeselnik A. Comedy Central Roast of Donald Trump, 2011 [Электронный ресурс] // Fmovies. URL: <https://goo.gl/O0абоj> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Jeselnik A. The Jeselnik Offensive, 2013, ep. 1 [Электронный ресурс] // Solarmovies. URL: <http://solarmovie.net/watch/0v8pZ7vw-the-jeselnik-offensive-season-1.html> (дата обращения: 14.05.2018).
7. Jeselnik A. The Jeselnik Offensive, 2013, ep. 4 [Электронный ресурс] // Solarmovies. URL: <http://solarmovie.net/watch/vlY5WYXx-the-jeselnik-offensive-season-1/episode-4.html> (дата обращения: 18.04.2018)
8. Mencia C. Carlos Mencia: No Strings Attached, 2006 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JsPvl2IFxZM> (дата обращения: 22.05.2018).
9. Mencia C. Mind of Mencia, 2005 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NjjwbglQSw> (дата обращения: 16.05.2018).
10. Polak O. Oliver Polak ist ein Krankes Schwein – Nightwash live, 2014 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lCXAo5ntrK8> (дата обращения: 04.04.2018).

11. Semsrott N. Nico Semsrott kann sich an Depressionen gut aufhängen – NightWash, 2012 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: goo.gl/iE7Ckw (дата обращения: 06.05.2018).

12. Silverman S. Jesus is magic, 2005 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N3kiq79gL0I> (дата обращения: 08.04.2018)

13. Spears A. Aries Spears Show on Comedy Central, 2007 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3ZpRC7ухq_o (дата обращения: 28.05.2018).

14. Tall C. Über Randgruppen lachen? Darf er das? – Chris Tall bei TV total, 2015 [Электронный ресурс] // Youtube. URL: goo.gl/u2zkVo (дата обращения: 27.05.2018).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 О.В. Магировская

« 21 » июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**СПЕЦИФИКА ЧЕРНОГО ЮМОРА
В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
И НЕМЕЦКОГО СТЕНДАПА)**

Выпускник

Н.А. Кирпичникова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК
Я.В. Попова

Нормоконтролер

Э.А. Тарасенко

Красноярск 2018